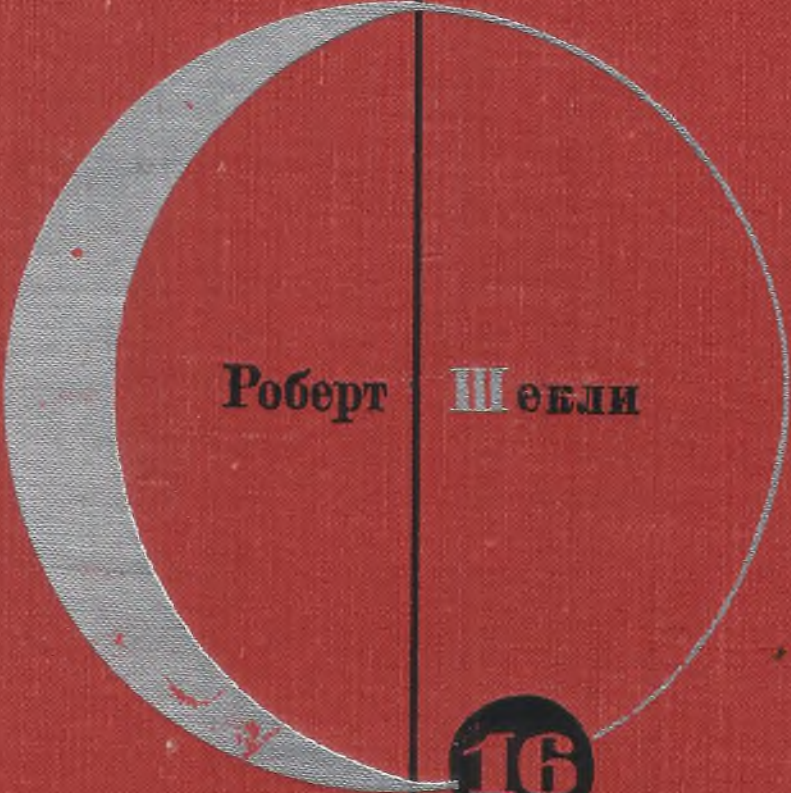

Роберт ЕБЛИ

16

**Библиотека
современной
фантастики**

**Роберт Шекли
Рассказы
Повести**

ТОМ 16

МОСКВА 1968

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

И (Амер)
Ш40

Robert Sheckley
The Humours
(из сб-ка «Store of Infinity»,
New York, 1960)

Mindswap
(журнал Galaxy, 1965, June)

A Ticket to Tranay
(из сб-ка «Citizen of Space»,
New York, 1956)

Составитель
Н. ЕВДОКИМОВА

Редактор
С. Майзельс

Перевод
с английского

Художник
Е. ГАЛИНСКИЙ

Редколлегия:
Э. АРАБ-ОГЛЫ
И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА
И. ЕФРЕМОВ
С. ЖЕМАЙТИС
Ю. КАГАРЛИЦКИЙ
В. МИЛЮТЕНКО
А. СТРУГАЦКИЙ

Рассказы

Страж-птица

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасти род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень

прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющей метала, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов убийство — проблема, старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. И так, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной

связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем заключается ваше возражение? — спросил представитель.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно,— согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен,— сказал один из приемателей.— Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Полагаю, что вы правы,— вставил представитель.— Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены верить машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершит убийство*. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен,— уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс.— Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной.— Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана.— Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй,— сказал капитан.— Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я,— жалобно сказал Селтрикс.— Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так,— поправил капитан.— Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских.— Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль,— сказал капитан.— Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму,— сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана.— Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Ученые,— с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб

лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц,— недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чувствуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну, нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех,— сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю,— повторил капитан.— Сколько то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн,— пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье.— Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слышал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно,— сказал Селтрикс.— А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на неподвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, отслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чувствовала выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе.— Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломую!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нисколько не опасаясь револьвера, он надвигался на ворешку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли.— Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев.— Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передана ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф,— доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом,— заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно,— согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить...— Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том,— сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну, почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого,— признался Гелсен.

— Ничего такого не случится,— заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют учиться.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит,— сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим,— сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли

у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажуужал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажуужал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо лучше познакомиться со страж-птицей, шеф, — заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замаялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смеркло, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрерывно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды

раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебрал револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь заставший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — *чего бы это ни стоило убийце.*

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Пропцвetaют мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернуть.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которыми люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагоприятное.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа.

Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может же страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало невозможно. Но страж-птицу это не занимало. Она откликлась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и

сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, — подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая грудку спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не

дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю,— сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедленно.— Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день.— По крайней мере я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы-машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность,— сказал Гелсен.— Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут,— повторил Макинтайр.— В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте,— сказал Гелсен.— Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаем.

— Есть,— сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил,— заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы неупротор.

— Знаю.— Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру.— Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся.— Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские боины закрылись, и скот в хлебах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чужли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбацкие лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента.

— с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не

справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Уверю вас, об этом сейчас нечего беспокоиться, — заговорил представитель. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно

само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаем: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. — Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносителен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда

не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремила на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть братьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для

охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны,— прибавил Макинтайр.— Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше,— весело продолжал Макинтайр.— В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте,— спросил он, все еще глядя в небо,— а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр.— Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем,— неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню,— сказал Гелсен.— Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается,— сказал Гелсен.— А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

Абсолютное оружие

Эдселя хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел — он мечтал о куче денег, которые они получат, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

— Ты знаешь, куда нам надо идти? — спросил он Парка злоеюще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

— Куда мы идем, тебя спрашивают? — повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

— Пулю ему в голову, — решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Эдсель, — умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними, — не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! — От этой мысли глаза маленького человечка загорелись. — Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от леденящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обоганитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

— Извините меня, — сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то, — это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов, — рассуждал про себя Эдсель, — убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было стран-

ное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

— Дайте-ка я ее высажу,— сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где горами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письмена рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попало под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

— Не стреляй! — испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился. — Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

— Неплохо,— заметил Эдсель, ласково погладив пистолет и, положив его на место, взял следующий.

— Ну хватит, Эдсель,— умоляюще сказал Фак-

сон,— нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

— Заткнись,— бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

— Не стреляй больше,— продолжал просить Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдсея.

— Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу,— продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

— Хороша штучка! — Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

— Пора собираться,— сказал Факсон, направляясь к двери.

— Собираться? Куда? — медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно уместившейся в ладони.

— Назад, в космопорт,— ответил Факсон,— домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство даст миллионы.

— А я передумал,— задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между горами оружия, но ни к чему не прикасался.

— Послушай-ка, парень,— злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза,— в конце концов я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать... — Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот. — Ты что задумал? — пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

— Ни черта я не собираюсь продавать, — заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих.

— Я ведь и сам могу использовать эти штучки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

— Дома я раздам оружие своим ребятам. С ним мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

— Ну, хорошо, — улавлившим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета. — Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

— Пожалуйста, — ответил Эдсель.

— Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать, — быстро проговорил Факсон, — Я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

— Конечно, — сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

— Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости, — сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться. — Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

— Может быть.

— Ну и отлично. Желаю тебе удачи, — Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звук не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эдсель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на земле остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Этот луч пройдет сквозь что угодно, — спокойно заметил Парк, — полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не ска-

зались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

— Давай-ка попробуем это, — сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное ружье, остановился.

— Я занят, не видишь, что ли?

— Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

— Попробуй-ка пробить ее из бластера, — сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен голубой стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

— Сдается мне, — тихо произнес Парк, — что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

— А знаешь что? — сказал вдруг Эдсель. — Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

— Спасибо, — ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

— Ты не сердись, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительство.

— Наоборот, я одобряю.

— Уверен, что ты парень что надо. Ты бы мог меня убить, когда я стрелял в Факсона. — Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

— А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? — спросил Эдсель, расплывшись в улыбке. — Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

— Я за, — ответил Парк, — считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

— С этим все довольно ясно, — продолжал Парк, — варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианском языке.

— Что тут написано? — спросил Эдсель.

— Что-то насчет абсолютного оружия, — ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка, — предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем было три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом — блестящий шлем, а за ним — небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

— Это что — усыпальница? — прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно он повернул стрелку на одно деление.

— Как ты думаешь, что они должны делать? — спросил он Парка. — Ты думаешь...

Оба они вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

— Господин, ваши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

— Как вам удалось остаться живыми столько лет? — спросил Парк. — Вы марсиане?

— Мы слуги марсиан, — ответил воин.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были теленатами.

— Мы Синтететы, господин.

— Кому вы подчиняетесь?

— Активатору, господин, — Синтетет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках.

— Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание — служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

— Веди нас в бой, господин...

— Можете не беспокоиться, — сказал Эдсель, придя, наконец, в себя. — Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

— А что обозначают остальные деления на циферблате? — спросил Эдсель. Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

— Может быть, они активируют других Синтететов, — сказал Парк. — Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

— И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

— Усыпи их и давай продумаем план действий,— сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул рычаг назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

— Пойдем назад.

— Ты, пожалуй, прав.

— И захвати с собой все это,— сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

— Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вожды! С такими солдатами...— он засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да, уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

— Я генерал! — крикнул Эдсель и надел шлем на голову.

— Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

...проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть — это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!

— Кто это говорит? Ты, Парк? А? — Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

Что за идиот! — подумал про себя Парк, надевая шлем. Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве. Он обернулся и посмотрел на пещеру.

С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир. Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

Что бы это могло означать? — подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

— Ну,— сказал он самому себе,— давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане,— и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар пошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

— Хо-хо! — сказал рот.— Протоплазма! — Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

— Спокойная протоплазма,— сказала чудовище, пожирая тело Эдселя,— мне нравится спокойная протоплазма,— и чудовище заглотало тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

— Долго же я ждал! — сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас.

Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

— Сгинь, исчезни! — завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

— Мне нравится спокойная протоплазма, — сказала Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком, — но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

Я и мои НИИКИ

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс-клатанов на заводе фирмы «Космические корабли «Старлинг». Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть, как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебеда, к альфе Центавра и к другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушками. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер — меня лишь раздражало и не давало сосредоточиться их жужжание.

Я ходил жаловаться в Ведомство Внутренней Безопасности. Я говорил им: «Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?» Но они ничего не хотели для меня сделать — они были слишком заняты.

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его отрегулировать, и он гудел всю ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: «Послушайте, ни у кого этот аппарат так не

гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!» В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в «холодной войне» и о том, что они не могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство несколько во мне не заинтересовано.

Взять хотя бы моего шпиика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпиик считал себя, должно быть, кинозвездой — на нем всегда была пятипестая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его — ведь в таком деле, как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло уже одно его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним, — причем я чувствовал его дыхание на своем затылке, — мои друзья хохотали до слез.

— Билл, — шумели они, — это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую Комиссию по Расследованию и заявил: «Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?»

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них.

Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал оттого, что меня постоянно игнорировали, оттого, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал подумывать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись

миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил себе «Каталог светил вселенной» и потрепанный «Галактический пилот», проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота. Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупицы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля «Звездный клипер». Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но в конце концов я рисковал только собственной жизнью. По крайней мере так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, померное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома уложил вещи и распрощался со звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпику и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты — пути к отступлению больше не было!

Мне оставалось лишь получить общую визу, и я поспешил в Бюро Общих Виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным горным солнцем, но с молочно-белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

— Куда же вы желаете отправиться?

— В космос! — ответил я.

— Это понятно. Но куда именно?

— Я еще не знаю, — сказал я. — Просто в космос. В Глубокий Космос! В Свободный Космос!

Клерк устало вздохнул.

— Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселить-

ся на планете в Американском Космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский Космос? Или в Голландский? Или во Французский?

— Я не думал, что космос может быть чьим-то владением,— ответил я.

— Значит, вы отстали от жизни,— сказал он с улыбкой превосходства.— Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмента, на который претендует Мексика. Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я прервал его:

— А где же Свободный Космос?

— Такого нет.

— Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

— В бесконечность! — гордо ответил он.

На минуту я буквально остолебенел. Я как-то никогда не представлял себе, что вся бесконечная вселенная может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов кто-то же должен был владеть пространством!

— Я хочу отправиться в Американский Космос,— заявил я, не придав в то время этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста — начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мой корабль был уже запущен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг за-

метил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других мешков. Развязав этот мешок, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

— Ну что ж,— заговорила она,— может, вы можете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова и предать забвению этот инцидент?

Я помог ей вылезти из мешка. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пламени от реактивного двигателя. Липо ее, изрядно перенакачанное, выдавало характер бойкий и самостоятельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.

— Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить? — спросила она.— От самой Земли у меня и крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.

Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вы все равно не поймете меня,— отвечала она с набитым ртом.

— А я уверен, что пойму,— сказал я.

Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского Космоса.

— Я стремилась к свободе,— сказала она наконец.

— То есть?

Она устало опустила на мою койку.

— Может быть, вы назовете это романтикой,— голос ее звучал спокойно,— но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волнение при виде желтых осенних листьев, а капли росы на зеленой лужайке кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.

Она утомленно закрыла глаза — я вполне понимал ее. Простоять пятьдесят часов в мешке из-под картофеля — это утомит кого угодно.

— Земля стала раздражать меня, — продолжала она. — Я больше не могла все это выносить — казенщину, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну», все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...

— Но почему вы выбрали именно меня?

— Потому что вы хотели свободы, — ответила она. — Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.

Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.

— Можете остаться, — сказал я.

— Благодарю вас, — кротко ответила она, — вы действительно поняли меня.

— Конечно, — сказал я, — но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...

Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.

Я не медля ни минуты обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов «Венера-5», книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью «Следователь по особым вопросам. ФБР».

Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.

Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.

Мой космический корабль углубился в просторы Американского Космоса. Работая по пятнадцати часов ежедневно, мне удалось добиться того, что этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком перегревались, а пивы на корпусе сохраняли герметичность. Мэйвис О'Дэй — так звали моего шпика — готовила пищу, вела домашнее хозяйство и успела расставить по всем углам миниатюрные

кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

При всем при том, однако, мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие.

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул назад и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру № 3.

— Извините, пожалуйста, — сказал я.

— Ничего, ничего, все в порядке, — отвечала она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я чувствовал дразнящий аромат духов «Венера-5».

— Теперь можете отпустить, — сказала она.

— Да, конечно, — отвечал я, продолжая держать ее в объятиях. Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны.

— Мэйвис, — звучал мой голос, — мы познакомились совсем недавно, но...

— Что, Билл? — спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями Шпики и Подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульта управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый «Звездный клипер». Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

— А моя собака... — начал он.

— Все в порядке, сынок, — ответил я.

— Мне очень неловко,— продолжал он,— что я вторгся к вам таким образом.

— Забудь об этом,— сказал я.— Что ты там делал на скале?

— Сэр,— начал он тонким голосом,— мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом-испытателем космических кораблей. Он героически погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж — высокий черноволосый мужчина с бегаящими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого начала одно мое присутствие приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый нрав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставляя ему в наследство участки земли на какой-то планете в Британском Космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: «Рейчл, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться». Мать воскликнула: «Дэрок, он ведь еще так мал!» Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он закинул меня в мой космический скафандр, дал мне ящик с ракетами, сунул Фликера в его собственный маленький скафандр и сказал мне: «В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи». — «Но, сэр,— пытался было я протестовать,— откуда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!» Но он не стал меня слушать. «Там как-нибудь разберемся»,— сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единым духом. Его собака Фликер уставилась на меня влажными оваль-

ными глазами. Я поставил Фликеру миску молока с хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда с едой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальную каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

— Да проснись же ты, идиот несчастный! — услышал я голос Мэйвис.

— Оставьте меня, дайте поспать,— отвечал мальчишка.

— Давай просыпайся, успеешь еще выспаться,— не отставала Мэйвис.— И зачем это Комиссия по Расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

— Его дело было пересмотрено, и теперь он относится к группе десять.

— Ну хорошо, но я-то здесь зачем? — воскликнула Мэйвис.

— Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании,— ответил мальчишка.— Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

— И вот они прислали тебя,— Мэйвис всхлипывала,— двенадцатилетнего ребенка...

— Через семь месяцев мне будет тринадцать!

— Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

— Вам не повезло, — посочувствовал он. — Лично я хочу стать пилотом — испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе — ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно — я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.

Но если смотреть правде в глаза, моими шпииками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток. Это, по всей видимости, были самые последние агенты, которых удалось наскрестить в кадрах службы безопасности.

Мое правительство еще продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла сиденье второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и возилась по хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпииков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как была невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой был в восторге от прозрачных озер и кое-где поднимавшихся холмов как раз такой высоты, чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить.

Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую Комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было бы ожидать чего-либо другого от шпиика в его возрасте.

Построив жилища и засеяв зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тенистый и задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы, и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голу-

бых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем она несколько не походила на шпиика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

— Билл, — позвала она.

— Что? — спросил я.

— Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

— Билл!

— Что?

— Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что бы я ответил ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба опустился космический корабль.

Эд Уоллейс — пилот корабля — оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и в пятнистой шинели. Он назвался представителем фирмы «Клир-Флот», занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имевшихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше, чем через месяц.

— Как нехорошо получилось, — пробормотал он. — Теперь придется сидеть здесь.

— Я тоже так думаю, — ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

— Не могу понять, в чем здесь причина?

— Быть может, прочность вашего клапана не-

сколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой, — сказал я и пошел к себе. Я-то заметил предательские следы надпила; когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллейс сделал вид, что не расслышал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что учреждение, в котором служил мистер Уоллейс, называлось почему-то не «Клир-Флот», а Центральное Разведывательное Управление.

Из мистера Уоллейса получился отличный ого-родник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то так вышло, что у нас не оставалось времени для прогулок по желто-зеленым полям и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но несмотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллейса у нас были и другие визитеры. К нам прибыла супружеская пара из Районной Разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа — тайные агенты Разведывательно-Информационного Бюро. После этого — молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского Совета по Космическим Правам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал, гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабые ручейки, пока в конце концов совсем не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеяны, или ни на что другое не способны, или просто неудачники. Я казался себе Подозреваемым, за которым посылали следить агентов, уходящих в отставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда, все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружными людьми.

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию вдруг охватила необычная суматоха. Были включены все радиоприемники — по-видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне пришлось попросить некоторых шпииков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как представитель всей группы.

— Случилось нечто ужасное, — сказала она, — но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы совсем не те, за кого себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

— Не может быть! — воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

— Это так, Билл, — продолжала она. — Мы все шпионили за тобой.

— Не может быть! — повторил я. — Даже вы, Мэйвис?

— Даже я. — Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

— А теперь все кончено, — выпалил вдруг Рой. Это потрясло меня.

— Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллейс, молистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

— Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

— А какому же государству он принадлежит? — спросил я.

— Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела, — вмешалась Мэйвис. — Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

— В связи с этим, — продолжала Мэйвис, — наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

— Но вы не сможете взлететь! — закричал я. — Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

— У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны, — мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел, как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в ночи чьи-то шаги за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из шпииков. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать меня по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жалко их, этих

бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпииков, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого Подозреваемого, как я, или другую такую планету?

— Прощайте, Билл, — сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллейса, и вдруг до меня дошло, что и она уже больше не мой шпиик!

— Мэйвис! — закричал я и бросился за ней.

Она заспешила к кораблю, но я поймал ее за руку.

— Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

— Мэйвис, я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улетать, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллейса как раз начали созревать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались неотложные дела на этой планете.

Так я стал тем, кем остаюсь и по сей день, — правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя назвать. Бывшие шпиики теперь массами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали отказывать мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпииков, чтобы они сбегали ко мне.

Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.

Я не могу подать в отставку, так как эта планета — моя собственность. А отправить их обратно — не хватает духа. Я дошел уже до предела.

Все мои подданные — это бывшие правительственные тайные агенты. Поэтому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действительности я не нашел никакой поддержки у них в этом вопросе. Я оказался единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком случае, с голоду мы не умрем. Но в конце концов не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.

Ведь ни один из них не желает быть шпиком и доносить на своих друзей.

Похмелье

Пирсен медленно и неохотно приходил в себя. Он лежал на спине, крепко зажмурившись, и старался оттянуть неизбежное пробуждение. Но сознание вернулось, и он тут же обрел способность чувствовать. Глаза пронзили тонкие иголки боли, в затылке что-то бухало, как огромное сердце. Все суставы горели огнем, а внутренности так и выворачивало наизнанку.

Пирсен уныло констатировал, что похмелье, которое его скрутило, несомненно, было королем и повелителем всех похмелей.

Он недурно разбирался в таких вещах. В свое время изведаль чуть ли не все разновидности: его мучило от спиртного, снедала тоска после минискаретте, терзала утроенная боль в нервах после склити. Но то, что он испытывал сейчас, включало в себя все эти прелести в усиленном виде и было сдобрено к тому же чувством отрешенности, знакомым любителям героина.

Что же такое он пил вчера? И где? Пирсен попытался вспомнить, но минувший вечер был неотличим от множества других подобных вечеров. Что ж, придется, как обычно, восстанавливать все по кусочкам.

Но прежде нужно взять себя в руки и сделать то, что полагается. Открыть глаза, встать с постели и мужественно добраться до аптечки. Там на средней полке лежит гипосульфит дихлорала, который поможет ему очухаться.

Пирсен открыл глаза и начал слезать с кровати. Тут вдруг он понял, что лежит не на кровати.

Вокруг была высокая трава, над ним сверкало ослепительно светлое небо, и в воздухе пахло прелой листвой.

Пирсен со стоном закрыл глаза. Только этого ему не хватало. Здорово же, видно, нагрузился он вчера. Даже до дому не дошел. А возвращался, должно быть, через Центральный парк. Похоже, что придется взять такси и уж как-нибудь доскрипеть, пока его не доставят на квартиру.

Сделав мощное усилие, Пирсен открыл глаза и поднялся.

Он стоял в высокой траве. Вокруг насколько глаз хватал высились исполинские деревья с оранжевыми стволами, оплетенные зелеными и пурпурными лианами, иные из которых в поперечнике были не тоньше человеческого туловища. Под деревьями буйно разрослись, образуя непроходимую чащобу, папоротники, кустарник, ядовитые желтые орхидеи, ползучие черные стебли и множество неведомых растений зловещего вида и цвета. В зарослях попискивала и стрекотала разная мелкая живность, а издали доносился грозный рык какого-то большого зверя.

— Нет, это не Центральный парк, — смекнул Пирсен.

Он огляделся, прикрыв рукой глаза от нестерпимого блеска бессолнечного неба.

— Пожалуй, я даже не на Земле, — добавил он.

Пирсен был удивлен и восхищен собственным хладнокровием. Неторопливо опутившись на траву, он попытался оценить обстановку.

Итак, его имя Уолтер Хилл Пирсен. Возраст — 32 года, место жительства — город Нью-Йорк. Он полномочный избиратель, нигде не работает, ибо в этом нет необходимости, и сравнительно недурно обеспечен. Накануне вечером в четверть восьмого он вышел из дому, собираясь повеселиться. Это намерение он, несомненно, осуществил.

Да, повеселился он как следует. А вот когда, в какой момент он впал в беспамятство, этого он, хоть убей, не помнил. Но очнулся он почему-то не дома в постели и даже не в Центральном парке, а в густых зловонных джунглях. Мало того, он был убежден, что находится не на Земле.

Пожалуй, все именно так. Пирсен обвел взглядом огромные оранжевые деревья, увитые зелеными и пурпурными лианами и залитые ослепительно белым потоком света. Истина постепенно вырисовывалась в его затуманенном мозгу.

Вскрикнув от ужаса, он закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда он очнулся вторично, то чувствовал себя гораздо лучше, только во рту остался неприятный вкус да голова соображала туго. Пирсен тут же окончательно решил прекратить все пьянки; хватит — ему и так уже мерещатся оранжевые деревья и пурпурные лианы.

Полностью протрезвившийся, он открыл глаза и снова увидел все те же странные джунгли.

— Ну! — крикнул он. — Что это за чертовня?

Немедленного ответа не последовало. Потом за деревьями всю загомонили невидимые обитатели джунглей и постепенно стихли.

Пирсен неуверенно встал и прислонился к дереву. Он как-то сразу выдохся, даже удивляться не было сил. Значит, он в джунглях. Ладно. А зачем он здесь?

Совершенно непонятно. Должно быть, накануне вечером случилось нечто необыкновенное. Но что? Пирсен старательно стал вспоминать.

Из дому он вышел в четверть восьмого и направился...

Вдруг он резко обернулся. Кто-то тихонько двигался через подлесок, приближаясь к нему. Пирсен замер. Сердце гулко стучало у него в груди. Неведомое существо подкрадывалось все ближе, сопя и чуть слышно постанывая. Но вот кусты раздвинулись, и Пирсен увидел его.

Это было черное с синим отливом животное, очертаниями похожее на торпеду или акулу. Его обтекаемое туловище имело около десяти футов в длину и передвигалось на четырех рядах коротких толстых ножек. Ни глаз, ни ушей на голове у него не было, только длинные усики колыхались над покатым лбом. Существо разинуло широкую пасть, где рядами торчали желтые зубы.

Негромко подвывая, оно направилось к Пирсену. И хотя тому никогда и не снилось, что на свете могут быть такие твари, он не стал раздумывать, не помешалась ли она ему. Повернувшись, Пирсен бросился в подлесок. Минут пятнадцать он мчался во весь дух и, только вконец запыхавшись, остановился.

Черно-синяя тварь стонала где-то далеко позади, пробираясь вслед за ним.

Пирсен двинулся дальше, теперь уже шагом. Судя по стонам, тварюга не отличалась проворством. Бежать было совсем не обязательно. Но что произойдет, когда он остановится? Что она там замышляет? Умеет ли она взбираться на деревья?

Пирсен решил пока не думать о таких вещах.

Прежде всего необходимо было вспомнить главное: как он попал сюда? Что с ним произошло накануне вечером?

Он стал припоминать.

Провырнувшись он вышел в четверть восьмого. Было пасмурно, слегка моросил реденький дождик, разумеется несколько не тревоживший ньюйоркцев, которые очень любили гулять в такую погоду и специально заказали ее на вечер городского климатологу.

Пирсен продефилировал по Пятой авеню, разглядывая витрины и отмечая про себя дни бесплатных распродаж. Так, так, значит, в универсальном магазине Бэмлера бесплатная распродажа состоится в ближайшую среду, с шести и до девяти пополудни. Обязательно надо взять у своего олдсмена специальный пропуск. Вставать и с пропуском придется спозаранку, а потом торчать в очереди для пользующихся льготами. Но все же это лучше, чем выкладывать наличные.

За полчаса он нагулял приятный аппетит. Поблизости было несколько хороших коммерческих ресторанов, но, вспомнив, что он, кажется, не при деньгах, Пирсен свернул на Пятьдесят четвертую к бесплатному ресторану Котрея.

У входа он предъявил карточку избирателя и специальный пропуск, подписанный третьим секрета-

рем-заместителем Котрея. Пирсена впустили. Он заказал на обед простое филе-миньон, которое записывал слабым красным вином, ибо более крепких напитков тут не подавали. Официант принес ему вечернюю газету. Пирсен изучил перечень бесплатных развлечений, но не обнаружил ничего подходящего.

Когда он выходил из зала, к нему поспешно подошел управляющий рестораном.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Вы остались довольны, сэр?

— Обслуживают у вас медленно, — ответил Пирсен. — Филе было съедобное, но не лучшего качества. Вино — так себе.

— Да, сэр... благодарю вас, сэр, ...примите наши извинения, сэр, — говорил управляющий, торопливо записывая в свой блокнотик замечания Пирсена. — Мы учтем ваши пожелания, сэр. Вас угощал обедом distinguished Блейк Котрей, старший советник по водоснабжению Нью-Йорка. Мистер Котрей вновь выдвигает свою кандидатуру на выборах двадцать второго ноября. Столбец Джей-три в вашей кабине для голосования. Мы смиреннейше рассчитываем на ваш голос, сэр.

— Там видно будет, — ответил Пирсен и вышел из ресторана.

На улице он взял пачку сигарет из автомата, который улаждал прохожих музыкой и снабжал их сигаретами в качестве памятного подарка от Элмера Бейна, мелкого политического деятеля из Бруклина. Выйдя на Пятую авеню, он возобновил свою неторопливую прогулку, по пути раздумывая, есть ли смысл голосовать за Котрея.

Как все полномочные граждане, Пирсен высоко ценил свой голос и одарял им какого-либо кандидата только по зрелом размышлении. Прежде чем проголосовать «за» или «против», он, подобно каждому избирателю, тщательнейшим образом взвешивал достоинства и недостатки того или иного кандидата.

К достоинствам Котрея относилось то, что он уже около года содержал весьма приличный ресторан. Но что он сделал, кроме этого? Где обещанный им бес-

платный развлекательный центр, где джазовые концерты?

Ограниченность общественных фондов — всего лишь пустая отговорка.

Не будет ли щедрее новый кандидат? Или переизбрать еще разок Котрея? В таких делах рубить сплеча не следует. Тут надо очень даже подумать, и, конечно, не сейчас, а в более подходящее время. Ночи созданы для наслаждений, кутежей, веселья.

Чем же заняться сегодня? Он пересмотрел почти все бесплатные представления. Спорт мало его интересует. Кое-где устраиваются вечеринки, но там едва ли будет весело. В общедоступном доме мэра можно выбрать какую-нибудь сговорчивую девицу, однако Пирсена в последнее время к ним не тянет.

Самый верный способ избавиться от вечерней скуки — вино или наркотик. Но какой? Минискаретте? Какой-нибудь контактный возбуждатель? Склити?

— Эй, Уолт!

Он обернулся. С широкой ухмылкой к нему направлялся Билли Бенц, уже довольно тепленький.

— Эй, погоди, Уолт, дружище! — сказал Бенц. — Ты куда сегодня?

— Да куда вообще-то, — ответил Пирсен. — А что?

— Тут одно роскошное местечко появилось. Новенькое, шик-блеск. Зайдем?

Пирсен насупился. Он не любил Бенца. Этот высокий, шумливый, краснолицый детина был законченным бездельником. Совершенно никчемная личность. То, что он не работает, как раз неважно. Теперь мало кто работает. К чему это, если можно голосовать? Но Бенц был так ленив, что даже не ходил на выборы. А это уже чересчур. Голосование — хлеб насущный и святая обязанность каждого гражданина.

Однако у Бенца был прямо-таки сверхъестественный нюх на новые значные заведения, о которых еще никто не проведаль.

Пирсен поколебался, потом спросил:

— А там бесплатно?

— Бесплатной супа, — ответил склонный к избыточным сравнениям Бенц.

— А что там делают?

— Пойдем со мной, дружище, я тебе все расскажу...

Пирсен вытер потное лицо. Стояла мертвая тишина. Стоны черно-синего зверя уже не доносились из зарослей. Возможно, ему надоела погоня.

Вечерний костюм Пирсена был изорван в клочья. Он сбросил пиджак и до пояса растегнул сорочку. Где-то за мертвенно-белым небом пылало невидимое солнце. У Пирсена пересохло во рту, пот ручьями струился по телу. Без воды он долго не продержится.

Да, он, кажется, серьезно влип. Но Пирсен упорно гнал от себя все мысли, кроме одной. Он должен выяснить, как он здесь очутился, и только после этого думать над тем, как спастись.

Что же это был за шик-блеск, которым прельстил его Билли Бенц?

Пирсен прислонился к дереву и закрыл глаза. Воспоминания пробуждались смутно, не сразу. Билли повел его в восточную часть города, на Шестьдесят вторую улицу, и там...

Он вдруг услышал в кустах шорох и быстро поднял голову. Из зарослей тихо выползла черно-синяя тварь. Ее длинные усики затрепыхались и нацелились в его сторону. В тот же миг зверюга вся подобралась и прыгнула на него, растопырив когти.

Пирсен инстинктивно отскочил. Зверюга грохнулась о землю, но проворно повернулась и снова ринулась к нему. На этот раз Пирсен не успел уклониться. Он вытянул вперед руки, и акулообразная тварь обрушилась на него.

Пирсен ударился спиной о дерево. Он отчаянно впился в широченную глотку зверя и изо всех сил старался оттолкнуть его от себя. Зверюга щелкала зубами около самого его лица. Пирсен напрягся что есть мочи, стараясь задушить ее, но его пальцы были слишком слабы.

Зверюга ерзала и извивалась, скребла когтями землю. Руки Пирсена мало-помалу слабели и начинали стибаться в локтях. Челюсти щелкали всего лишь в дюйме от его лица. Вот выполз длинный иснещенный черными пятнами язык...

Охваченный омерзением, Пирсен отшвырнул от себя стопущую гадину. Не дав ей опомниться, он ухватился за лианы, влез на дерево и вне себя от ужаса стал карабкаться по скользкому стволу от ветки к ветке. Лишь в тридцати футах над землей он впервые взглянул вниз.

Черно-синяя лезла следом с такой легкостью, словно всю жизнь провела на деревьях.

Пирсен стал взбираться выше, дрожа всем телом от усталости. Ствол дерева постепенно сужался, все реже попадались ветки, достаточно крепкие, чтобы за них ухватиться. Возле самой вершины, в пятидесяти футах над землей, дерево закачалось под его тяжестью.

Пирсен снова взглянул вниз: упорная тварь была в десяти футах от него и продолжала лезть выше. Пирсен вскрикнул; ему показалось, что спасения нет. Но страх придал ему силы. Он взобрался на последнюю большую ветку, ухватился покрепче и поджал ноги. Когда зверюга добралась до него, он вдруг лягнул ее обеими ногами.

Удар был точен. Когти зверя с пронзительным скрежетом ободрали кору с дерева. Зверюга, визжа и ломая ветки, полетела вниз и звонко плюхнулась на землю.

Стало тихо.

«Наверное, она расшиблась», — подумал Пирсен. Но проверять свою догадку у него и в мыслях не было. Никакая сила на Земле или любой другой планете Галактики не принудила бы его самостоятельно слезть с дерева. Нет уж, дудки, пока он не придет в себя да как следует не соберется с силами, он отсюда не двинется.

Пирсен сполз немного ниже, к толстой раздвоенной ветке. На таком насесте можно было чувствовать себя спокойно. Лишь окончательно устроившись, Пирсен

понял, как мало у него осталось сил. Если вчерашний сабантуй иссушил его, то сегодняшние приключения выжали досуха.

Напади на него сейчас зверек чуть-чуть побольше белки, и он погиб.

Он прислонился к стволу, вытянул отяжелевшие ноги и руки, закрыл глаза и снова принялся восстанавливать в памяти события минувшего вечера.

— Пойдем со мной, дружище, — сказал Билли Бенц. — Я тебе все расскажу. А вернее — сам увидишь.

Они направились в восточную часть города, вышли на Шестьдесят вторую улицу, а тем временем густые сумерки сменились ночной темнотой. Манхэттен зажег огни, над горизонтом замерцали звезды, и серп месяца блеснул сквозь прозрачный туман.

— Куда мы идем? — спросил Пирсен.

— А мы уже пришли, голуба, — ответил Бенц.

Они стояли перед невысоким особняком, сложенным из коричневого песчаника. Скромная медная дощечка на дверях гласила:

НАРКОЛИК.

— Новый бесплатный наркотический салон, — пояснил Бенц. — Открыт сегодня вечером Томасом Мориарти, кандидатом от реформистской партии на пост мэра. Об этом заведении еще никто не знает.

— Отлично, — сказал Пирсен.

В городе было немало бесплатных увеселительных заведений. Но каждый стремился разыскать что-нибудь неизвестное другим и опробовать новинку, прежде чем к ней ринутся толпы любителей свежих впечатлений.

Вот уже многие годы Верховный евгенический комитет, созданный при Объединенном международном правительстве удерживал численность населения мира в стабильных и разумных пределах. Людям снова стало так просторно на Земле, как не было в течение последнего тысячелетия, а внимания им уделяли куда больше, чем когда-либо в прошлом. Благодаря успе-

хам подводной экологии и гидропоники, а также всестороннему использованию земной поверхности еды и одежды хватало на всех и даже с избытком. При автоматических методах строительства и изобилии строительных материалов жилищная проблема перестала существовать, тем более что человечество было сравнительно невелико и впредь не собиралось увеличиваться. Даже предметы роскоши ни для кого не были роскошью.

Сформировалась благополучная, устойчивая, неизменная цивилизация. Те немногие, кто проектировал, строил и обслуживал машины, получали щедрое вознаграждение. Большинство же вовсе не работало. Ни нужды, ни желания у них не было.

Находились, конечно, и честолюбцы, которые жаждали богатства, власти, высоких постов. Эти занимались политикой. Используя обильные общественные фонды, каждый из них кормил, одевал, развлекал население своего округа, чтобы обеспечить себе большинство голосов, и проклинал вероломных избирателей, всегда готовых переменить на сторону того, кто посулит больше.

Это была утопия своего рода. О нужде все позабыли, войны давно прекратились, каждого ждала безбедная долгая жизнь.

И чем же, кроме врожденной человеческой неблагодарности, можно было объяснить, что число самоубийств возросло до поистине страшных размеров?

Дверь открылась сразу же, и Бенц предъявил пропуск. Они прошли по коридору в большую уютную гостиную. Четверо посетителей, из них одна женщина, ранние пташки, прослышавшие о новом заведении прежде других, полулежали на кушетках, дымя бледно-зелеными сигаретами. В воздухе стоял резкий, непривычный, но в то же время приятный запах.

Подождал служитель и подвел их к свободному дивану.

— Располагайтесь как дома, джентльмены, — сказал он. — Закурив наркотик, вы отдохнете от всех забот.

Он протянул каждому по пачке бледно-зеленых сигареток.

— Что это за штукавина? — спросил Пирсен.

— Наркотические сигареты, — ответил служитель. — Приготовлены из отборной смеси турецкого и вирджинского табака, в которую добавлена тщательно отмеренная доза наркоты, хмельной травки, произрастающей в экваториальном поясе Венеры.

— Венеры? — удивился Бенц. — А мы разве добирались до Венеры?

— Четыре года назад, сэр, — ответил служитель. — Первой высадилась экспедиция Йельского университета и основала там базу.

— По-моему, я что-то такое читал, — заметил Пирсен. — Или видел в киножурнале. Венера... Там вроде бы сплошные неосвоенные джунгли, да?

— Совершенно неосвоенные, сэр, — подтвердил служитель.

— А, помню, значит, — сказал Пирсен. — Трудно за всем уследить. А что, эта наркола входит потом в привычку?

— Ни в коем случае, сэр, — успокоил его служитель. — Наркола действует как, согласно теории, должен бы влиять алкоголь. Вы испытываете небывалый подъем, чувство удовлетворенности, довольства. Похмелья не бывает. Это вам предлагает Томас Мориарти, кандидат от реформистской партии на пост мэра. Столбец Эй-два в ваших кабинетах, джентльмены. Мы смиреннейше рассчитываем на ваши голоса.

Посетители кивнули и закурили.

Наркотик начал действовать почти сразу. Уже после первой сигареты Пирсен ощутил раскованность, легкость, и его захлестнуло предвкушение чего-то приятного. Вторая сигарета усилила действие первой и кое-что добавила. Все чувства необыкновенно обострились. Пирсену казалось теперь, что мир восхитителен, полон неизведанных радостей и чудес. И сам он почувствовал себя важным и незаменимым.

Бенц толкнул его локтем в бок:

— Что, недурна штука?

— Очень здорово, — ответил Пирсен. — Этот Мо-риарти, наверное, хороший человек. Миру нужны хорошие люди.

— Точно, — согласился Бенц. — Нужны толковые люди.

— Смелые, мужественные, дальновидные, — с жаром продолжал Пирсен, — такие орлы, как мы с тобой, которые перевернут весь мир, так что...

Он вдруг умолк.

— Чего ты? — спросил Бенц.

Пирсен не отвечал. В нем произошла неувидимая перемена, знакомая всем наркоманам, и нарколик теперь вызывал у него обратный эффект. Только что он казался себе богом. И вдруг с обостренной чувствительностью одурманенного увидел себя таким, каков он есть.

Он, Уолтер Хилл Пирсен, тридцати двух лет, неженатый, переработавший и никому не нужный. Когда ему было восемнадцать, он поступил на службу, чтобы доставить удовольствие родителям. Но уже через неделю бросил работу, потому что она нагоняла на него тоску и мешала высыпаться. Потом как-то ему вздумалось жениться, но его отпугнула ответственность, которую накладывает семейная жизнь. Ему скоро тридцать три, он тощий, хилый, у него дряблые мускулы и нездоровый цвет лица. Ни разу в жизни не сделал он ничего хоть мало-мальски важного ни для себя, ни для других и впредь не сделает.

— Ну, давай, давай выкладывай все как есть, дружище, — сказал Бенц.

— Ж-желаю совершить подвиг, — промямлил Пирсен, делая новую затяжку.

— Да ну?

— Чтоб я пропал! Приключений хочу!

— Так чего же ты молчал? Я тебе мигом все устрою. — Бенц вскочил и потащил за собой Пирсена. — Айда!

— Ты к-куда меня ведешь?

Пирсен попробовал оттолкнуть Бенца. Ему хотелось, не вставая с дивана, упиваться своим горем. Но Бенц рывком заставил его встать.

— Я понял, что тебе нужно, — говорил Бенц. — Приключение... такое, чтоб дух захватывало. Пошли, голуба, я тебя отведу.

Покачиваясь, Пирсен задумчиво насупил брови.

— Пойди сюда, — обратился он к Бенцу. — Я тебе на ухо скажу.

Бенц наклонился к нему, и Пирсен прошептал:

— Хочу, чтобы было приключение, но чтобы я остался цел и невредим. Понял?

— Само собой! — ответил Бенц. — Я же знаю, что тебе нужно. Вали за мной. Сейчас будет приключение. Безопасное!

Сжимая в кулаках пачки нарколика, приятели встали за руки и нетвердым шагом вышли из салона, основанного кандидатом реформистов.

Поднялся ветер, и дерево, на котором сидел Пирсен, закачалось. Порыв ветра так внезапно охладил его разгоряченное, потное тело, что Пирсена вдруг начала бить дрожь. Зубы громко застучали, руки до боли вцепились в скользкую ветку. В горле нестерпимо жгло, как будто бы туда насыпали мелкого раскаленного песка.

Нет, он не мог больше терпеть такую жажду. За глоток воды он был готов сейчас сразиться с целым десятком черно-синих тварей.

Пирсен принялся медленно спускаться с дерева, решив не думать до поры до времени о том, что случилось вчера вечером. Сперва он должен найти воду.

Под деревом, не шевелясь, лежала черно-синяя зверюга с переломленным хребтом. Пирсен прошел мимо нее и нырнул в заросли.

Он брел по джунглям долгие часы, а может быть, и дни, ибо утратил представление о времени в мучительном зное, который источало сверкающее, неизменно белое небо. Колючие ветки рвали его одежду, какие-то птицы пронзительно вскрикивали каждый раз, когда он раздвигал кусты. Он ничего не замечал, он продолжал идти, с трудом переступая одеревеневшими но-

гами и устремив вперед невидящий взгляд. Он упал, но снова встал и побрел, потом падал еще раз и еще. Так брел он, словно робот, покуда не наткнулся на скучный, грязный ручеек.

Пирсен растянулся и припал к воде губами, совсем не думая о том, что в ней могут оказаться болезнетворные бактерии.

Немного придя в себя, он огляделся. Вокруг сплошной стеной стояли непроходимые, ядовито-зеленые, чужие джунгли. Над ним сияло небо, точь-в-точь такое же белое, каким он увидел его в первый раз. А в кустах попискивала и чирикала невидимая мелкая живность.

«Какое глухое и жуткое место, — подумал Пирсен. — Поскорей бы отсюда выбраться».

Но как? Он не знал, есть ли здесь города или какие-нибудь поселения. И если даже есть, то как их разыскать в такой пустынной, дикой местности?

Каким же образом он все-таки попал сюда?

Он потер небритый подбородок и снова попытался вспомнить. Казалось, вчерашние события происходили миллион лет назад, в какой-то совершенно иной жизни. Нью-Йорк представлялся ему смутно, словно привиделся во сне. Реальностью были лишь джунгли, голод, который вгрызался ему в желудок, и недавно начавшееся странное гудение.

Он поглядел вокруг себя, пытаясь определить, откуда доносится звук. Гудело со всех сторон, ниоткуда и отовсюду. Сжав кулаки, Пирсен до боли в глазах всматривался в заросли, пытаясь разглядеть, где же притаилась новая опасность.

Внезапно неподалеку от него шевельнулся куст, покрытый блестящими зелеными листьями. Пирсен отпрыгнул, дрожа как в лихорадке. Куст весь затрясся, и его тонкие изогнутые листья загудели.

И тут...

Куст посмотрел на него. Глаз у него не было. Но Пирсен чувствовал, что куст *знает* о нем, сосредоточился на нем, что-то решил. Куст загудел громче. Его ветки потянулись к Пирсену, коснулись земли, пустили корни, тотчас же выбросили подвижные усики, те

вытянулись, вновь пустили корни и снова выбросили усики.

Куст разрастался в его сторону со скоростью спокойного идущего пешехода.

Пирсен глядел как зачарованный на остренькие крючковатые листочки, которые, поблескивая, тянулись к нему. Он не верил собственным глазам.

И в этот миг он вспомнил, что случилось с ним в конце минувшего вечера.

— Ну, вот мы и пришли, дружище, — сказал Бенц возле входа в ярко освещенный особняк на Мэдисон-авеню.

Он подвел Пирсена к лифту. Приятели поднялись на двадцать четвертый этаж и вошли в просторную светлую комнату.

Небольшая табличка на стене лаконично извещала:
НЕЛИМИТИРОВАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

— Слышал я об этом заведении, — Пирсен сделал глубокую затыжку. — Здесь, говорят, дорого.

— Об этом не тревожься, — успокоил его Бенц. Блондинка секретарша записала их фамилии и повела в кабинет доктора Шринагара Джонса, консультанта по активным действиям.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал Джонс.

При виде этого очкастого заморыша Пирсен не удержался и фыркнул. Нечего сказать, хорош консультант по активным действиям.

— Итак, джентльмены, вам желательно испытать приключение? — учтиво осведомился Джонс.

— Это *ему* хочется приключений, — сказал Бенц. — Я просто его приятель.

— Да, да, понимаю. Так вот, сэр, — Джонс повернулся к Пирсену, — какого рода приключение вы себе мыслите?

— Приключение на свежем воздухе, — ответил Пирсен слегка осипшим, но твердым голосом.

— О, у нас есть нечто весьма подходящее! — воскликнул Джонс. — Обычно мы взимаем с клиентов плату. Однако сегодня все приключения — даровые.

Счета оплачивает президент Мэйн, столбец Си-один в вашей кабине. Пожалуйста за мной, сэр.

— Стойте. Я ведь не хочу, чтобы меня убили. Опасное это приключение?

— Совершенно безопасное. В наш век и в наши дни только такие и допустимы. А теперь послушайте. Сейчас вы пройдете в нашу Искательскую комнату, ляжете там на кровать, и вам будет сделана безболезненная инъекция. Вы тотчас потеряете сознание. Затем, должным образом применяя слуховые, осязательные и прочие возбудители, мы сформируем в вашем восприятии приключение.

— Как во сне? — спросил Пирсен.

— Это наиболее близкая из аналогий. Пригрезившееся вам приключение по своему существу будет абсолютно реалистично. Вы испытаете настоящую боль, подлинные эмоции. Оно ничем не будет отличаться от реальной действительности. Кроме, конечно, одного: все это произойдет не наяву и, следовательно, будет вполне безопасно.

— А что случится, если во время приключения я погибну?

— В точности то же самое, что бывает с вами в таких случаях во сне. Вы проснетесь. Однако во время вашего ультрареалистического яркоцветового сна вы сможете совершенно сознательно управлять своими действиями, чего во сне не бывает.

— А я буду все это знать, пока длится приключение?

— Разумеется. Все время, пока вы спите, вы будете полностью осведомлены о том, что находитесь в состоянии сна.

— Тогда пошли! — гаркнул Пирсен. — Даешь приключение!

Ярко-зеленый куст продолжал медленно разрастаться в его сторону. Пирсен захохотал. Да ведь это же сон! Конечно, сон! Ему ничто не угрожает. Зловещий куст — всего лишь плод его воображения, точно так же, как и черно-синяя тварь. Даже если бы она

тогда перегрызла ему горло, он не умер бы. Он сразу бы проснулся в Искательской комнате на Мэдисон-авеню.

Сейчас ему было просто смешно. Как же он не догадался раньше? Ведь такая черно-синяя только во сне и может привидеться. И разве бывают на свете ходячие кусты? Все это, конечно, явный бред, нагромождение нелепостей.

Пирсен громко сказал:

— Хватит. Можете меня разбудить.

Никаких перемен. Вдруг Пирсен вспомнил, что он не может проснуться по своему желанию. Приключение тогда утратило бы всякий смысл, и исчезло бы целительное воздействие волнения и страха на истощенную нервную систему спящего.

Да, теперь он вспомнил. Приключение окончится только тогда, когда он, Пирсен, преодолеет все преграды. Или погибнет.

Куст добрался почти до его ног. Пирсен во все глаза разглядывал его, дивясь его натуральному виду.

Крючковатый листочек зацепился за ботинок. Пирсен самодовольно усмехнулся: он был горд, что так здорово держит себя в руках. Чего уж там бояться, когда знаешь, что все равно останешься целехонек.

«Постой-ка, — вдруг подумал он, — а как же я могу переживать всерьез, если мне известно, что все это понарошку? Тут они чего-то не додумали».

И тогда ему вспомнилось окончание их разговора с Джонсом.

Пирсен лежал уже на белой кушетке, когда над ним склонился Джонс, держа в руке шприц.

— А скажи-ка, друг любезный, — спросил Пирсен, — что мне за прок от приключения, если я буду знать, что оно не настоящее?

— Мы и это предусмотрели, — ответил Джонс. — Видите ли, сэр, на долю некоторых наших клиентов выпадают *вовне реальные* приключения.

— Э?

— Реальные, самые настоящие, они не сняты, а происходят в действительности. В таких случаях (они чрезвычайно редки) мы не даем клиенту возбудите-

лей, а ограничиваемся вливанием сильной дозы снотворного. Когда человек уснет, его переносят на космический корабль и отправляют на Венеру. Очнувшись там, он наяву переживает то, с чем другие сталкиваются лишь в воображении. Если он сумеет выйти победителем, то останется в живых.

— А если нет?

Джонс, который терпеливо ждал, держа шприц наготове, молча пожал плечами.

— Но это бесчеловечно! — крикнул Пирсен.

— Мы другого мнения. Представляете ли вы себе, мистер Пирсен, как остро нуждается в приключениях современный мир? Облегченность нашего бытия ослабила натуру человека, и противодействовать этому может только одно: встреча с опасностью. Наши воображаемые приключения — самый безобидный и приятный из всех возможных вариантов. Но приключение утратит всякий смысл, если клиент не будет принимать его всерьез. Иное дело, когда остается вероятность, пусть даже самая малейшая, что над тобой действительно нависла смертельная угроза.

— Но те, кого увозят на Венеру...

— Их процент ничтожен, — успокоил его Джонс. — Меньше одной десятичной. Мы это делаем лишь для того, чтобы взбодрить остальных.

— Но это противозаконно, — не унимался Пирсен.

— Ничуть. Вы больше рискуете жизнью, когда пьете минискаретте или курите нарколик...

— Право, не знаю, — сказал Пирсен, — хочется ли мне...

Острие шприца вдруг вонзилось ему в руку.

— Все будет отлично, — ласково произнес Джонс, — устройтесь поудобней, мистер Пирсен.

И с этой минуты он уже не помнил ничего до самого пробуждения в джунглях.

Зеленая ветка доползла ему до щиколотки. Изогнутый тонкий листик очень медленно и нежно ткнулся в мякоть ноги. На миг стало щекотно, но не больно. Почти тотчас листик сделался красноватым.

Растение-кровопийца, подумал Пирсен, ишь ты!

Ему вдруг надоело приключение. Глупая, пьяная вата. Хорошенького понемножку. Пора кончать, да поскорей.

Ветка поднялась повыше, и еще два изогнутых листика вонзились ему в ногу. Теперь уже весь куст стал грязно-бурым.

Пирсена потянуло в Нью-Йорк, туда, где вечеринки, где тебя бесплатно кормят, даром развлекают и можно спать сколько угодно. Ну, допустим, он справится и с этой напастью, так ведь подоспеет новая. Сколько дней — или недель — ему еще тут мыкаться?

Самый верный способ поскорей попасть домой — не сопротивляться. Куст убьет его, и он сразу проснется.

Пирсен почувствовал, что начинает слабеть. Он сел и увидел, что еще несколько кустов подбираются к нему, привлеченные запахом крови.

— Конечно, это бред, — произнес он громко. — Кто поверит, что есть растения, пьющие кровь? Пусть даже на Венере.

Высоко в небе парили огромные чернокрылые птицы, терпеливо ожидая, когда наступит их пора слетаться к трупу.

Сон или явь?

Десять тысяч против одного, что это сон. Только сон. Яркий и правдоподобный, но тем не менее всего лишь сон.

А если нет? У него начала кружиться голова, и он все больше слабел от потери крови. *Я хочу домой*, думал Пирсен. *Чтобы попасть домой, я должен умереть. Правда, я могу умереть по-настоящему, но практически это исключено...*

И вдруг его осенило. Да кто же это осмелится в наши дни рисковать жизнью избирателя? Нет, эти Нелимитированные Приключения не могут подвергать человека настоящим опасностям.

Джонс сказал ему об этом одном из десяти тысяч, чтобы приключение выглядело более реальным.

Вот это больше похоже на правду. Пирсен лег, закрыл глаза и приготовился умереть.

Он умирал, а мысли роем клубились у него в голове, давно забытые мечты, надежды, опасения. Пирсен вспомнил свою единственную службу и то смешанное чувство облегчения и сожаления, с которым он оставил ее. Вспомнились ему чудаковатые трудяги родители, которые упорно не желали пользоваться незаслуженными, как они говорили, благами цивилизации. Никогда в жизни Пирсену не приходилось столько думать, и вдруг оказалось, что существует еще один Пирсен, о котором он прежде не подозревал.

Новый Пирсен был на редкость примитивен. Он хотел жить, и больше ничего. Жить во что бы то ни стало. Этот Пирсен не желал умирать ни при каких обстоятельствах... пусть даже воображаемых.

Два Пирсена — один, движимый гордостью, а другой — стремлением выжить — вступили в единоборство. Померившись силами, которые у обоих были на исходе, они пошли на компромисс.

— Стервец Джонс небось думает, что я умру, — сказал Пирсен. — Умру, для того чтобы проснуться. Так пропади я пропадом, если он этого дождется.

Лишь в такой форме он был способен признать, что хочет жить.

Качаясь от слабости, он кое-как встал и попробовал освободиться от куста-кровопийцы. Тот присосался крепко.

С криком ярости Пирсен ухватился за куст и оторвал его от себя. Выдернутые листья полоснули его по ногам, а в это время другие вонзились в правую руку.

Но зато он освободил ноги. Отшвырнув пинками еще два куста, Пирсен бросился в джунгли с веткой, обвившейся вокруг руки.

Он долго бред, спотыкаясь; и только когда растения-кровососы остались далеко позади, начал освобождаться от последнего куста.

Тот завладел уже обеими его руками. Плача от боли и злости, Пирсен поднял руки над головой и с размаху ударил ими о ствол дерева.

Крючочки слегка отпустили. Пирсен снова ударил

руками о дерево и зажмурился от боли. Потом еще, еще раз, и, наконец, куст перестал цепляться за него.

Пирсен тут же побрел дальше.

Но он слишком долго мешкал, пока раздумывал, умирать ему или не умирать. Кровь ручьями струилась из сотни ранок, и запах крови оглашал джунгли, как набат. Что-то черное стремительно метнулось к нему сверху. Пирсен бросился ничком на землю и, едва успев увернуться, услышал совсем рядом хлопанье крыльев и злобный пронзительный крик.

Он проворно вскочил и хотел спрятаться в колючем кустарнике, но не успел. Большая чернокрылая птица с малиновой грудью вторично ринулась на него с высоты.

Острые когти ухватили его за плечо, и он упал. Неистово хлопая крыльями, птица уселась ему на грудь. Она клюнула его в глаз, промахнулась, опять нацелилась.

Пирсен наотмашь взмахнул рукой. Его кулак угодил птице прямо по зобу и свалил ее.

Тогда он на четвереньках уполз в кусты. С пронзительными воплями птица кружила над ним, высматривая какую-нибудь лазейку. Но Пирсен уползал все глубже в спасительную колючую чащу.

Вдруг он услышал рядом тихий вой, похожий на стон.

Да, видно, напрасно он так долго колебался. Джунгли обрекли его на смерть, вцепились в него мертвой хваткой. Похожая на акулу, продолговатая черно-синяя тварь, чуть поменьше той, с которой он дрался, проворно ползла к нему сквозь колючую чащу.

Одна смерть вопила в воздухе, другая стонала на земле, и бежать от них было некуда. Пирсен встал. С громким криком, в котором перемешались страх, злость и вызов, он, не колеблясь, бросился на черно-синего зверя.

Лязгнули огромные челюсти. Пирсен рухнул на землю. Последнее, что уловило его утасаживающее сознание, была разинутая над ним смертоносная пасть.

Неужели наяву? — с внезапным ужасом подумал он, и все исчезло.

Он очнулся на белой койке, в белой, неярко освещенной комнате. Пирсен медленно собрался с мыслями и вспомнил... свою смерть.

Ничего себе приключеньице, подумал он. Надо ребятам рассказать. Только сначала выпить. Сходить куда-нибудь поразвлечься и опрокинуть рюмочку... а то и все десять.

Он повернул голову. Сидевшая на стуле возле койки девушка в белом халате встала и наклонилась над ним.

— Как вы себя чувствуете, мистер Пирсен? — спросила девушка.

— Нормально, — ответил он. — А где Джонс?

— О ком вы?

— Шринагар Джонс. Здешнее начальство.

— Вы, очевидно, перепутали, сэр, — сказала девушка. — Нашей колонией руководит доктор Бейнтри.

— Чем?! — крикнул Пирсен.

В комнату вошел высокий бородатый человек.

— Вы свободны, сестра, — сказал он девушке и повернулся к Пирсену. — Добро пожаловать на Венеру, мистер Пирсен. Я доктор Бейнтри, директор пятой базы.

Пирсен недоверчиво на него уставился. Потом, кряхтя, сполз с кровати и наверняка упал бы, если бы Бейнтри его не подхватил.

Пирсен с изумлением обнаружил, что забинтован чуть ли не с головы до пят.

— Так это было наяву? — спросил он.

Бейнтри помог ему добраться до окна. Пирсен увидел расчищенный участок, изгороди и зеленеющую вдали опушку джунглей.

— Один на десять тысяч, — с горечью произнес он. — Вот уж действительно везет как утопленнику. Я ведь мог погибнуть.

— Вы чуть было не погибли, — подтвердил Бейнтри. — Однако в том, что вы попали на Венеру, непонятны ни статистика, ни случай.

— Как вас понять?

— Выслушайте меня, мистер Пирсен. На Земле

жить легко. Людям больше не приходится бороться за свое существование; однако, боюсь, они добились этого слишком дорогой ценой. Человечество остановилось в своем развитии. Рождаемость непрерывно падает, а количество самоубийц растет. Границы наших владений в космосе продолжают расширяться, но туда никого не заманишь. А их ведь нужно заселить, если мы хотим выжить.

— Слышал я уже в точности такие слова, — сказал Пирсен. — И в киножурнале, и по солидо, и в газете читал...

— Они, я вижу, не произвели на вас впечатления.

— Я этому не верю.

— Верите или нет, — твердо ответил Бейнтри, — но все равно это правда.

— Вы фанатик, — сказал Пирсен. — Я не намерен с вами спорить. Пусть даже это правда — мне то что?

— Нам катастрофически не хватает людей, — сказал Бейнтри. — Чего мы только не придумывали, как ни старались найти желающих. Никто не хочет уезжать с Земли.

— Еще бы. Дальше что?

— Лишь один-единственный способ оправдал себя. Мы основали агентство Нелимитированных Приключений. Всех подходящих кандидатов отвозят сюда и оставляют в джунглях. Мы наблюдаем за их поведением. Это отличный тест, полезный и для испытуемого и для нас.

— Ну, а что бы со мной случилось, если бы я не удраг тогда от тех кустов?

Бейнтри пожал плечами.

— Так, значит, вы меня завербовали, — сказал Пирсен. — Сперва погоняли по кругу с препятствиями, потом увидели, какой я молодец, и в самую последнюю секунду спасли. Я, наверно, должен быть польщен таким вниманием. И тотчас же осознаю, что я не какой-нибудь неженка, а крепкий, неприхотливый парень. И конечно, я полон отваги, мечтаю о славе первооткрывателя?

Бейнтри молча глядел на него.

— И разумеется, тут же запишусь в колонисты? Да что я, псих, по-вашему, или кто? Неужто вы всерьез считаете, что я брошу шикарную жизнь на Земле, чтобы вкалывать у вас тут в джунглях или на ферме? Да провалитесь вы хоть к черту в пекло вместе с вашими душеспасительными планами.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, — заметил Бейнтри. — С вами обошлись довольно бесцеремонно, но этого требуют обстоятельства. Когда вы успокоитесь...

— Я и так спокоен! — взвизгнул Пирсен. — Хватит с меня проповедей о спасении мира! Я хочу домой, хочу в Дворец развлечений.

— Мы можем отправить вас с вечерним рейсом, — сказал Бейнтри.

— Что? Нет, вы это серьезно?

— Вполне.

— Ни черта не понимаю. Вы что, на сознательность решили бить? Так этот номер не пройдет — я еду, и конец. Удивляюсь, как это у вас хоть кто-то остается.

— Здесь никто не остается, — сказал Бейнтри.

— Что?!

— Почти никто, исключения очень редки. Большинство поступает так же, как вы. Это только в романах герой вдруг обнаруживает, что он обожает сельское хозяйство и жаждет покорять неведомые планеты. В реальной жизни все хотят домой. Многие, правда, соглашаются помогать нам на Земле.

— Каким образом?

— Они становятся вербовщиками, — ответил Бейнтри. — Это я в самом деле занятно. Ты ешь, пьешь и наслаждаешься жизнью, как обычно. Но когда встречается подходящий кандидат, ты уговариваешь его испытать воображаемое приключение и ведешь в агентство... Вот как Бенц привел вас.

— Бенц? — изумился Пирсен. — Этот подонок — вербовщик?

— Конечно. А вы думали, что вербовщиками у нас служат ясноглазые идеалисты? Все они такие же люди, как вы, Пирсен, так же любят повеселиться. ищут

легкой жизни и, пожалуй, даже не прочь оказать помощь человечеству, если это не очень хлопотно. Я думаю, такая работа вам понравится.

— Что ж, попробовать можно, — согласился Пирсен. — Забавы ради.

— Мы большего и не просим.

— Но откуда же вы тогда берете новых колонистов?

— О, это любопытная история. Представьте себе, мистер Пирсен, что многим из наших вербовщиков через несколько лет вдруг делается интересно, что же здесь происходит? И они возвращаются.

— Ну ладно, — сказал Пирсен. — Так и быть, я поработаю на вас. Но только временно, пока не надоест.

— Конечно, — сказал Бейнтри. — Вам пора собираться в дорогу.

— И назад меня не ждите. Ваш душеспасительный ракет — на любителя. А я человек городской. Мне нужен комфорт.

— Да, конечно. Кстати, вы отлично вели себя в джунглях.

— Правда?

Бейнтри молча кивнул.

Пирсен не отрываясь глядел на поля, постройки, изгороди; глядел он и на дальнюю опушку джунглей, с которыми только что сразился и едва не вышел победителем.

— Нам пора, — сказал Бейнтри.

— А? Ладно, иду, — ответил Пирсен.

Он медленно отошел от окна, чувствуя легкую досаду, причину которой так и не смог определить.

Проблема туземцев

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится, сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно.

В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей, теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чувствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Но и самые легкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали «станьте в круг», он выдыхался буквально через несколько часов, к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных одиннадцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем

остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в «подземке».

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки, дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

— Вперед, ребята! — орал капитан. — Захватим-ка вагон для Рокэвея!

А капитан противника вопил:

— Нет, дудки! Навалитесь, мальчишки! Бронкс Парк, и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

— В чем дело, Эдвард? — любопытствовала очередная подружка. — Разве тебе не весело?

— Весело, конечно, — задыхаясь, отвечал Дантон.

— Но я же вижу, что нет! — в изумлении вскрикивала девушка. — Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

— Я знаю, — отвечал Эдвард Дантон. — Мне, право, очень весело. Я... о господи!

В вагон вламывалась, взявшись за руки, третья команда и выкрикивала нараспев: «Канарси, Канарси, Канарси!»

Уверившись, что Дантон человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от Рокпорта (штат Мэйн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он пытался побороть себя, но тщетно. Стали проявляться и другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а от звуковой — постоянно зве-

нело в ушах. Доктор предупредил его, что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих психо-соматических недомоганий. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона — его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

Ему оставалось лишь одно — бежать. В космосе хватало места для тех, кто не прижился на Земле.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков разных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсена, у путешественников уходило лет по двадцать-тридцать на то, чтобы протацииться от одной звездной системы до другой. Более современные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшиеся на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и стать пионером. Невесело было на душе у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

— Ах, Эдвард, Эдвард, — говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку, — ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Мирти всегда хотели иметь двух ребятшек. И вот благодаря тебе...

— Оставим это, — ответил Дантон. — Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь детей. Да и вообще, — добавил он, вдруг пораженный новой мыслью, — я вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

— Но это ведь ужасно, — сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

— Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я

встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация*.

— Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

— Огородничество. Дело-то полезное.

— Полезное, — подтвердил Эл. — Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало ему бесплатный проезд в любую часть вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно населенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его также и Гейл V, все триста сорок два жителя которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сутубый культ здорovia.

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, судя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, что свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений.

* Сублимация — психическое явление, заключающееся в вытеснении инстинктов (сексуальных комплексов).

Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

Планета была тиха и укротна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнейшим образом. Дантон думал о женщинах и днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропическую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник — забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две иолионские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валяла в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещатся женщины — высокие и маленькие, белые, черные и коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приятнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял, что необходимо принимать решительные меры.

Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити — тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучинный набодренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами Южных Морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Микельсена. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, испарянный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись: «*Народ Хаттера*».

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как «*Народ Хаттера*» тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним.

— Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

— Назад! — гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона, как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

— Что случилось? — удивился Дантон.

— Как тебя зовут?

— Эдвард Дантон.

— Я Симеон Смит, — сообщил тощий. — Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

— Я всегда говорю по-английски, — ответил Дантон. — Я же...

— Где остальные? Куда они спрятались?

— Да здесь никого нет. Только я. — Дантон бросил взгляд на звездолет и увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе. — Посмотрите-ка, это все вам, — Дантон указал на фрукты. — Я думал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными волнистыми волосами.

— Нам уже можно выходить, отец?

— Нет! — ответил Симеон. — Здесь небезопасно. Полезай назад, Анита.

— Я буду наблюдать отсюда, — ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему дотоле трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

— Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

— Отчего же? — резонно полюбопытствовал Дантон.

— А оттого, — ответил ему Джедекия, — что мы не знаем, каким ядом вздумаете вы нас отравить.

— Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

— Что вы о нем думаете? — обратился к Симеону Джедекия.

— Все идет именно так, как я и ожидал, — ответил военачальник. — Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка

сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

— Добро, — с ухмылкой согласился Джедекия. — Да убоятся цивилизации, — и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

— Эй! — вскрикнул Дантон и попятился.

— Папа, — заговорила Анита, — но он же ничего еще не сделал.

— В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь ничего не сделает. Хорошие туземцы — это мертвые туземцы.

— А остальные, — вставил Джедекия, — поймут, что мы не собираемся шутить.

— Но вы не имеете права! — возмущенно воскликнула Анита. — Совет Старейшин...

— не распоряжается сейчас... — перебил ее отец. — Высадившись на чужой планете, мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

— Да погодите вы, — заговорил Дантон. — Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незачем...

Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой его головой в тот миг, когда он скрылся, наконец, в подлеске.

— Вот так-то! — прогремел ему вслед голос Симеона. — Пусть зарубят себе на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отдалился от корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева, Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что он землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена,

и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

— Но в таком случае, — продолжал размышлять Дантон, — как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затаили белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь сломя голову навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры, наконец, вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и несколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не приоткрылся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

— Друзья мои, — провозгласил военачальник. — Вот, наконец, и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина столь долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

— Достойна, брат наш, — откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

— На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

— Из которых самое большое не крупней бурундука, — прошептал Дантон. — Спросили бы уж меня. Я бы вам рассказал.

— А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан, — продолжал Симеон. — Одно известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-либо неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан III!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и на берегу стало светло как днем. Часовые расхаживали взад и вперед, держа винтовки наизготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую лу-

ну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жалась все ближе и ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, слышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобней будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

— Стой! — разом рывкнули все часовые.

— Дикарь вернулся! — крикнул один из поселенцев.

— Ой, мамочка, — заплакал какой-то малыш. — Злой, гадкий дядька меня съест. Не отдавай меня.

— Не бойся, милый, — успокаивала его мать. — У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и уставился на Дантона.

— А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

— Я предводитель этих людей. — Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к ребенку. — Моя — большая вождь эти люди. А твоя — большая вождь твои люди?

— Зачем вы так разговариваете? — спросил Дантон. — Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лицо Симеона побелело от гнева.

— Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твое племя?

— Да я же землянин, — завопил Дантон. — Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подождал Джедекия, а с ним седой сутуловатый человечек в больших очках и роговой оправе.

— Симеон, — сказал седой человечек, — мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

— Профессор Бейкер, — обратился к нему Симеон, — этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя — Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

— Так вы землянин? — спросил он.

— Конечно.

— А кто высек эти каменные статуи на берегу?

— Я, — ответил Дантон. — Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

— Тишечные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

— Ну, значит, у меня это вышло случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле...

— Чем он был оборудован? — перебил профессор Бейкер.

— Гиперпространственными вихревыми конвертерами.

Бейкер кивнул, и Дантон продолжал:

— Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недостаточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных и Фермерских Миров и высадился, наконец, на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя. Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

— Что вы на это скажете, профессор? — спросил Симеон.

— Поразительно, — пробормотал профессор Бейкер. — Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно лишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно — чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем

он исковеркал свое имя на английский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов, песен, плясок и исполнит нам...

— Но я землянин!

— Нет, мой бедный друг, — ласково возразил профессор. — Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты встречал землянина. Скорей всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

— На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля, — сказал Джедекия.

— О, вот видите, — просиял профессор Бейкер. — Моя гипотеза подтверждается.

— Да нет же, это был государственный корабль, — объяснял Дантон. — Я на нем и прилетел.

— Интересно также отметить, — лекторским тоном продолжал профессор Бейкер, — те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот он заявляет, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсена. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждает, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

— Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбытия, — заметил Дантон. — Когда вы вылетели в космос?

— Космический корабль хаттеритов покинул Землю сто двадцать лет тому назад, — снисходительно ответил Бейкер. — Здесь присутствует преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также, — обратился Бейкер к Симеону и Джедекии, — как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедония. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во вселенной.

— Да есть они! — негодуя крикнул Дантон.

— Где? — с вызовом обратился к нему Джедекия. — Укажи координаты.

— Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, моему, где-то в районе Волопаса или, может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

— Мне жаль огорчать тебя, друг мой, — сказал Джедекия. — Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет этих планет.

— Ваши карты устарели на столетие!

— Звезды, стало быть, тоже, — отрезал Симеон. — Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся от нас? Что вы там замышляете?

— Какая нелепость, — возмутился Дантон. — Как мне вас убедить? Я землянин, слышите! Родился и вырос...

— Будет! — оборвал его Симеон. — Уж что-что, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

— Здесь никого нет, кроме меня, — не сдавался Дантон.

— А, так ты запираешься! — процедил Джедекия. — Уж не хочешь ли отведать плетки из змеиной кожи?

— Потом, успеется, — остановил его Симеон. — Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают попросить помощи. А ты, Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

— Нет, спасибо, — ответил Дантон, — я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на ногах.

— Вождь сказал тебе: без дерзостей! — гаркнул Джедекия. — И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороженный, почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в сторонке, поодаль от остальных и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

— Вы тоже принимаете меня за туземца? — спросил он.

Анита села рядом и ответила:

— Я просто не представляю, кем еще вы можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

— С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое переменялось. Но скажите, неужели *«Народ Хаттера»* провел все эти годы в космосе?

— Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйч-гастро I, но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколение переехало на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спасаться на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

— Какая же?

— Туземцы, — грустно ответила Анита. — Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно, и поначалу все шло хорошо. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не было огнестрельного оружия, но они собрали такое огромное войско, что нашим пришлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

— Гм, — промычал Дантон. — Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

— Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

— Что же это за правительство?

— Совет старейшин, — ответила Анита. — В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

— У меня нет народа, — устало сказал Дантон.

— ...наше правительство создаст вам все условия для процветания, — закончила она.

Они замолчали, любясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящейся линией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что поспежело. А девушка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец, все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

— Что здесь творится, черт возьми? — раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

— Бога ради, Джедекия, — сказала Анита. — Не разыгрывай сцен.

— Встань, — зловецким тихим голосом сказал Джедекия Дантону. — Встань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Ты опозорила свою расу, — сказал Джедекия Аните, — и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе, — повернулся он к Дантону, — я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. *Туземцам не позволено волокаться за нашими женщинами!* И сейчас я вволочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле плашмя.

— На помощь! — завопил он. — Туземцы взбунтовались!

На звездолете загредел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись

винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

— Да мы с ним просто подрались один на один, — крикнул Дантон. — Никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

— Отойди, Анита! — крикнул хаттерит, идущий впереди.

— Но я не видела ни одного туземца, — твердо ответила девушка. — А Данта и в самом деле не виноват.

— Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели, это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

— Вон высунулся один!

— Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

— Ага! Попался!

— Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

— Стреляй, стреляй же!

Чуть ли не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, вытоптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом*.

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услышал, что кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и,

* Кордит — бездымный нитроглицериновый порох.

подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковать о ней.

Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям. Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

— Данта! Данта! Погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешимости. Что, если девушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

— Данта! Где же ты?

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

— Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

— Не волнуйся, — успокоила его Анита. — Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

— Вот как? — принужденно рассмеялся Дантон. — От кого же?

— Они ведь не знают тебя так хорошо, как я, — пояснила Анита. — Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

— В самом деле?

— Ну, конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал:

на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

— Вот молодчина! — пылко воскликнул Дантон. — И они поверили тебе?

— По-моему, да. Я ведь объяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал.

— Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

— То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

— Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить всех остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

— Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? — произнес он.

— Ну еще бы.

— И много нас было?

— Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

— Мы были вооружены?

— Разумеется.

— Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт, — торжествуя, спросил Дантон, — что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась.

— Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, как в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась у него из-под ног. Охваченный паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя, и сотни бронзовых, как он сам, дикарей прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

— Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный, — продолжала Анита. — Межпланетный закон запрещает продавать

туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

— Огнестрельное?

— В том-то и дело! Вы, конечно, еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

— Я полагаю, раны были только пулевые?

— Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

— Понятно, — сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунглям войско хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

— Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват, — успокоила его Анита. — Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

— Как любезно с их стороны, — заметил Дантон.

— Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как мы.

— Да неужели! — попытался съязвить бедняга.

— Да, а как же? И старейшины тут же создали совещание по вопросам туземной политики и на нем решили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не покуспились? Наши уже вколачивают межевые столбы. И вы будете теперь мирно жить в своей резервации, а мы — на нашей части острова.

— Что-о?!

— И чтобы скрепить договор, — продолжала Анита, — наши старейшины просят тебя принять вот это. — И она вручила ему пергаментный свиток.

— Что здесь такое?

— Это мирный договор, который провозглашает

окончание хаттеро-нью-таитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже врывают в землю межвые столбы, расписанные в красную и черную полосу. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

— А не кажется ли тебе, — начал Дантон, — что может быть, ...э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

— Я это предлагала, — покраснев, сказала Анита.

— Правда? Значит, ты согласилась бы...

— Конечно, да, — не глядя на него, проговорила девушка. — Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

— Я научил бы их охотиться и ловить рыбу, — подхватил Дантон, — показал бы им, как распознавать съедобные корни, и многое другое.

— А ваши колоритные племенные песни, пляски, — вздохнула Анита. — Как все было бы чудесно. Я очень огорчена.

— Но должен же быть выход! Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

— Никакой, — ответила Анита. — Я бы убежала с тобой, Данта, но нас ведь поймают, не сейчас, так позже.

— Они никогда нас не найдут, — уверил ее Дантон.

— Возможно. Я бы с радостью рискнула.

— Милая!

— Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

— Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

— Я тронута, что ты так говоришь, — нежно произнесла Анита. — Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты преду-

реди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекли их на бессмысленную разлуку, и в то же время еще сильнее любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папоротника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекал статуи, напишет новые сонаты, опять станет вести дневник...

— К черту! — крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать?

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не погрязли так в своих дурацких предрассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

Попробовать стоит, — подумал Дантон. — А убьют, так и ладно.

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

— Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

— Убирайся в резервацию! — крикнул ему часовой. — Не то буду стрелять.

— Но мне нужно видеть Симеона, — настаивал Дантон.

— Приказ есть приказ, — и с этими словами часовой прицелился.

— Стой, погоди-ка. — Из космического корабля вылез хмурый, как туча, Симеон. — Что тут стряслось?

— Опять пришел этот туземец, — пояснил часовой. — Прихлопнуть его, сэр?

— Чего тебе нужно? — спросил Симеон Дантона.

— Я пришел, дабы возвестить вам, — громовым голосом начал Дантон, — *объявление войны!*

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины — группа седобородых старцев — держались с краю.

— Ты ведь принял мирный договор, — заметил Симеон.

— Мы, вожди племен, живущих здесь, на острове, — выступая вперед, заявил Дантон, — обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Танги — наша. Она искони принадлежала нашим отцам и отцам наших отцов. Здесь росли мы детей, сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

— Ах, Данта! — воскликнула, выходя из корабля, Анита. — Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

— Они не послушались бы меня, — ответил Дантон. — Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретелль-сбройхи, вители. Я уж не говорю о зависимых и малых племенах.

— И много у вас народу? — спросил Симеон.

— Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но, конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

— Многих из нас убьют, — бесстрастно продолжал Дантон. — Пусть: мы готовы к этому. Каждый ньютаи-

тантин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

— Ну, а теперь-то можно прихлопнуть его? — взмолился часовой.

— Опустив винтовку, дурень! — рявкнул Симеон. — Погоди, Данта! Я думаю, мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

— Я согласен, — степенно ответил Дантон.

— Чего вы требуете от нас?

— Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

— Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

— Нет, больше ничего, — ответил Дантон. — Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и ньютаитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, прошествовал к Дантону.

— Старейшины уполномочили меня, — сказал он, — предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыпем его солью...

— Э, нет, — ответил Дантон. — У нас на Нью-Танги такое не принято. Я настаиваю на браке.

— Но, черт возьми, любезный...

— Таково мое последнее слово.

— Мы никогда не согласимся! Никогда!

— Значит, будем воевать, — объявил Дантон и удалился в джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явились Симеон и Анита.

— Твоя взяла, — сердито буркнул Симеон. — Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев не в первый раз, и, куда бы мы ни перебрались, нам от нее, наверное, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочитаем, — Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил: — Согласиться на ассимиляцию. По крайней мере так решили старейшины. Я лично выбрал бы войну.

— И потерпели бы поражение, — заверил его Дантон, вдруг почувствовав себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

— Возможно, — согласился Симеон. — Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

— Почему?

— А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласна выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, «станьте в круг». Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по всей планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше от угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записали

все истории, какие он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой пре-нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих ньютаитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и их рассказы не внушали особого доверия.

— Мой народ? — говорил Данта любопытным. — О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

Рыцарь в серой фланели

Способ познакомиться со своей будущей женой, который избрал Томас Хенли, заслуживает внимания в первую очередь антропологов, социологов и тех, кто изучает странности человеческой натуры. Он дает пусть скромный, но образчик одного из самых непонятных брачных обычаев конца XX века. Поскольку обычай этот сильно повлиял на матримониальную индустрию современной Америки, то, что случилось с Хенли, имеет немаловажное значение.

Томас Хенли был стройный юноша высокого роста, со старомодными вкусами и пороками, которые отличались умеренностью, и умеренностью, которая граничила с пороком. В разговорах, что он вел с преподавателями как мужского, так и женского пола, все было абсолютно на месте, включая грамматические ошибки, точь-в-точь приличествующие его возрасту и общественному положению. Он был владельцем нескольких костюмов из серой фланели и множества узких галстуков в косую полоску. Вы скажете, что из толпы его можно выделить по очкам в роговой оправе, — ничего подобного. Вы обознались. Хенли еще незаметнее.

Кто бы поверил, что этот смирный, безликий, деловито-усердный и со всем согласный молодой человек в душе одержим жаждой романтики? Как ни печально, поверил бы всякий, ибо обманчивая внешность обманывала только своего владельца.

Юноши вроде Хенли, в доспехах из серой фланели с роговым забралом, образуют рыцарский орден наших дней. Миллионы и миллионы их скитаются по дорогам наших великих столиц — твердая поступь, быстрый шаг, прямой взгляд, тихий голос и стандартный костюм, превращающий человека в невидимку. Они, как

актеры или зачарованные, влечат свою хмурую жизнь, но сердца их сжигает вечный огонь романтики.

Хенли закономерно и безостановочно грезил наяву об абордажных саблях, со свистом рассекающих воздух, о фрегатах, которые, распустив паруса, устремляются навстречу восходящему солнцу, о таинственных девичьих глазах, что взирают на него с безмерной грустью из-под прозрачной вуали. И закономерно, он грезил о более современных видах романтики.

Но в больших городах романтика — товар дефицитный. Наиболее предприимчивые из наших бизнесменов совсем недавно поняли это. И вот как-то вечером к Хенли наведался гость весьма необычного толка.

В пятницу, после долгого дня муторной канторской рутины, Хенли пришел домой в свою однокомнатную квартирку. Он ослабил узел галстука и не без некоторой меланхолии принялся размышлять о предстоящем уикэнде. Смотреть по телевизору бокс ему не хотелось, а все фильмы в окрестных кинотеатрах он уже видел. Среди его приятельниц не было интересных девушек, и, что хуже всего, шансы познакомиться с другими фактически равнялись нулю.

Он сидел в кресле, пока на Манхэттен опускались густые синие сумерки, и размышлял, где бы встретить симпатичную девушку и что ей сказать, если он ее повстречает, и...

В квартиру позвонили.

Без приглашения к нему обычно являлись только бродячие торговцы да агенты Общества содействия Пожарной службе. Однако в тот вечер он был рад и такому мимолетному развлечению — отшить торговца, навязывающего свой товар. Он открыл дверь и увидел низенького, подвижного, разодетого человека, который одарил его лучезарной улыбкой.

— Добрый вечер, мистер Хенли, — выпалил человек. — Я Джо Моррис из Нью-Йоркской Службы Романтики с главной канторой в Эмпайр Стейт Билдинг и филиалами во всех районах города, а также в Уэстчестере и Нью-Джерси. Наша миссия — обслуживать одиноких, мистер Хенли, а следовательно, и вас. Не отрицайте! Иначе зачем вам вечером в пятницу

сидеть дома? Вы одиноки, и наше прямое дело, оно же наше удовольствие, — обслужить вас. Такому способному, восприимчивому, интересному юноше, как вы, нужны девушки — милые девушки, приятные, красивые, чуткие девушки...

— Постойте-ка, — резко оборвал Хенли. — Если у вас там что-то вроде бюро поставки клиентов для девиц, работающих по телефонному вызову...

Он осекся, увидев, что Джо Моррис побагровел, повернулся и пошел прочь, раздувшись от негодования.

— Куда же вы! — крикнул Хенли. — Я не хотел вас обидеть!

— Да будет вам известно, сэр, что я человек семейный, — чопорно произнес Джо Моррис. — У меня в Бронксе * жена и трое детей. Если вы хотя бы на мгновение допускаете, будто я способен связать свое имя с чем-то неподобающим...

— Бога ради, простите! — Хенли провел Морриса в комнату и усадил в кресло.

К мистеру Моррису сразу же вернулись его живость и общительность.

— Нет, мистер Хенли, — сказал он, — юные леди, которых я имел в виду, не являются... э-э... профессионалками. Это красивые, нормальные, романтически настроенные молодые девушки. Но они одиноки. В нашем городе, мистер Хенли, много одиноких девушек.

Хенли почему-то считал, что в такое положение попадают одни мужчины.

— Неужто? — спросил он.

— Да, много. Задача Нью-Йоркской Службы Романтики, — продолжал Моррис, — организовывать встречи между молодыми людьми в благоприятной обстановке.

— Гм, — сказал Хенли. — Тогда, насколько я понимаю, у вас нечто вроде — простите мне этот термин — нечто вроде Клуба Дружбы?

— Что вы! Ничего похожего! Мистер Хенли, дорогой мой, вы когда-нибудь бывали в таком клубе?

* Бронкс — один из пяти районов Нью-Йорка.

Хенли отрицательно покачал головой.

— А следовало бы, сэр, — заметил Моррис. — Тогда бы вы смогли по достоинству оценить нашу Службу. Клуб Дружбы! Представьте себе, пожалуйста, голый зал где-нибудь на втором этаже в дешевом районе Бродвея. На эстраде пятеро музыкантов в потертых смокингах уныло пиликают разбитые шлягеры. Жалкие звуки отдаются от стен безутешным эхом и сливаются с визгом и скрежетом уличного движения за окнами. У стен выстроились два ряда стульев, мужчины сидят по одну сторону зала, женщины — по другую. И те и другие явно не могут понять, как они здесь очутились. Все пытаются напугать на себя беззаботный вид, что, впрочем, им плохо удастся, все беспрерывно дымят сигаретами, чтобы скрыть нервную дрожь, а окурки бросают на пол и затаптывают каблуками. Время от времени какой-нибудь бедолага набирается смелости пригласить девушку и топчется с ней, словно аршин проглотил, под маслеными бесстыжими взглядами всех остальных. Распорядитель, надутый кретин с идиотской, точно приклеенной, улыбочкой, мечется по залу, пытаясь оживить это похоронное сборище, но тщетно!

Моррис перевел дух.

— Таков анахронизм, известный под именем Клуб Дружбы, — противоестественный, изматывающий нервы гнусный обряд, которому место разве что во времена королевы Виктории, но уж никак не в наши дни. Что касается Нью-Йоркской Службы Романтики, то она занята тем, чем давным-давно следовало заниматься. Со всей научной точностью и технической сноровкой мы всесторонне изучили факторы, необходимые для организации удачного знакомства между особами противоположного пола.

— А что за факторы? — осведомился Хенли.

— Важнейшие из них, — ответил Моррис, — это стихийность в сочетании с ощущением роковой предопределенности.

— Но стихийность и рок, по-моему, исключают друг друга, — заметил Хенли.

— Разумеется! Романтика по самой своей при-

роде должна состоять из взаимоисключающих элементов. Это подтверждают и составленные нами графики.

— Значит, вы продаете романтику? — спросил Хенли с сомнением в голосе.

— Вот именно! Продукт в его очищенном и первоизданном виде! Не секс, который доступен каждому. Не любовь — тут нельзя гарантировать постоянство, а потому коммерческой ценности она не имеет. Нет, мистер Хенли, мы продаем *романтику*, эту изюминку жизни, вековую мечту человечества, которой так не хватает современному обществу.

— Очень интересно, — сказал Хенли.

Но то, что он услышал от Морриса, нуждалось в веских доказательствах. Посетитель мог оказаться и мошенником и прожектером. Кем бы он, однако, ни был, Хенли сомневался, что он торгует *романтикой*. То есть настоящей романтикой, теми тайными мерцающими видениями, что днем и ночью преследовали Хенли.

Он встал.

— Благодарю вас, мистер Моррис. Я подумаю о вашем предложении. Но сейчас я спешу, поэтому если вы не возражаете...

— Помилуйте, сэр! Неужели вы позволите себе отказать от *романтики*?!

— Извините, но...

— Испытайте нашу систему; мы предоставим ее вам на несколько дней совершенно бесплатно, — настаивал мистер Моррис. — Вот проденьте это в петличку. — И он вручил Хенли вещичку, похожую на микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— Что это? — спросил Хенли.

— Микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— А для чего?

— Скоро увидите. Вы только попробуйте. Мы, мистер Хенли, самая большая фирма в стране, поставляющая романтику, и наша цель — сохранить престиж, для чего мы и впредь намерены служить нуждам миллионов наиболее впечатлительных юношей и девушек Америки. Запомните, наша романтика — самая роко-

вая и стихийная, она дает эстетическое удовольствие и физическое наслаждение, а также вполне нравственна в глазах закона.

С этими словами Джо Моррис пожал Хенли руку и скрылся.

Хенли повертел транзистор в руках, но не нашел ни шкалы, ни кнопок. Он нацепил его на лацкан и... ничего не произошло.

Хенли пожал плечами, подтянул галстук и вышел прогуляться.

Вечер был ясный, прохладный. Как большинство вечеров в жизни Хенли, это был идеальный вечер для романтического приключения. Вокруг простирался город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не снесил исполнять. Тысячи раз бродил Хенли по этим улицам (твердая поступь, прямой взгляд), готовый ко всему. Но с ним никогда ничего не случалось.

Он миновал огромный жилой массив и подумал о женщинах, что стоят у высоких занавешенных окон, глядя вниз на улицу, и видят одинокого пешехода на темном асфальте. Им, верно, хотелось бы знать, кто он и что ему нужно, и...

— Неплохо постоять на крыше небоскреба, — произнес чей-то голос, — полюбоваться сверху на город.

Хенли застыл на месте и быстро обернулся. Вокруг не было ни души. До него не сразу дошло, что голос раздался из транзистора.

— Что? — переспросил он.

Радио молчало.

Полюбоваться на город, прикинул Хенли. Радио предложило ему полюбоваться на город. Да, подумал он, это и в самом деле неплохо. — Почему бы и нет? — и он повернул к небоскребу.

— Не сюда, — шепнуло радио.

Хенли послушно прошел мимо и остановился перед соседним зданием.

— Здесь? — спросил он.

Радио не ответило, но Хенли почудилось, будто в транзисторе одобительно хмыкнули.

Что ж, подумал он, нужно отдать должное Службе Романтики. Они, пожалуй, знают, что делают. Если не считать маленькой подсказки, все его действия были почти самостоятельны.

Хенли вошел в здание, вызвал лифт и нажал самую верхнюю кнопку. Поднявшись на последний этаж, он уже по лесенке выбрался на плоскую крышу и направился было к западному крылу.

— В обратную сторону, — прошептал транзистор.

Хенли повернулся и пошел в противоположную сторону. Остановившись у парапета, он посмотрел на город. Белые мерцающие огни уличных фонарей вытягивались в стройные ряды, тут и там красными и зелеными точками перемигивались светофоры, кое-где радужными кляксами расплывались рекламы. Перед ним лежал его город — город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять.

Вдруг Хенли заметил, что рядом с ним еще кто-то поглощен зрелищем ночных огней.

— Прошу прощения, — сказал Хенли. — Я не хотел вам мешать.

— Вы не помешали, — ответил женский голос.

Мы не знаем друг друга, подумал Хенли. Мы всего лишь мужчина и женщина, которых случай — или рок — свел ночью на крыше вознесенного над городом здания. Интересно, сколько грез пришлось проанализировать Службе Романтики, сколько видений разнести по таблицам и графикам, чтобы добиться такого совершенства.

Украдкой взглянув на нее, он увидел, что девушка молода и красива. Она казалась невозмутимой, но он ощутил, что место, время и настроение — вся обстановка, безошибочно выбранная для этой встречи, волнует ее так же сильно, как и его.

Он напряженно подыскивал нужные слова и не мог их найти. Ему вообще ничего не приходило на ум, а драгоценные мгновения ускользали.

— Огни, — подсказало радио.

— Эти огни прекрасны, — изрек Хенли, чувствуя себя последним идиотом.

— Да, — отозвалась девушка шепотом. — Они подобны огромному ковру, расшитому звездами, или блеску копий во мраке.

— Подобны часовым, — сказал Хенли, — что вечно стоят на страже ночи. — Он так и не мог понять, сам ли дошел до этого или механически повторил то, что пискнул еле слышный голосок из транзистора.

— Я часто сюда прихожу, — сказала девушка.

— Я здесь никогда не бывал, — сказал Хенли.

— Но сегодня...

— Сегодня я не мог не прийти. Я знал, что встречу вас.

Хенли почувствовал, что Службе Романтики не мешало бы нанять сценариста классом повыше. Среди бела дня такой диалог прозвучал бы просто нелепо. Но сейчас, на крыше-площадке высоко над городом, когда огни далеко внизу, а звезды близко над головой, это был самый естественный разговор на свете.

— Я не поощряю случайных знакомств, — произнесла девушка, сделав шаг к Хенли. — Но...

— Я не случайный, — ответил Хенли, придвигаясь к ней.

В звездном свете ее белокурые волосы отливали серебром. Девушка чуть приоткрыла рот. Она смотрела на него. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

Они стояли лицом к лицу, и Хенли ощущал едва уловимый запах духов и благоухание ее волос. У него задрожали колени, его охватило замешательство.

— Обнимите ее, — шепнуло радио.

Действуя, как автомат, Хенли протянул руки, и девушка прижалась к нему с тихим коротким вздохом. Они поцеловались — просто, естественно, неизбежно, охваченные нарастающей страстью, как и было задумано.

На отвороте блузки Хенли заметил у нее усыпанный бриллиантами транзистор-малютку. Тем не менее он вынужден был признать, что их встреча, стихийная и роковая, доставила ему, помимо всего прочего, еще и чрезвычайное удовольствие.

На верхушках небоскребов уже зачиналось утро, когда Хенли, вконец измотанный, добрался до дома и завалился спать. Он проспал весь день и проснулся под вечер, голодный как волк. Он сидел за обедом в баре по соседству и размышлял о том, что произошло этой ночью.

Все, решительно все было чудесно, захватывающе и безупречно: встреча на крыше, а потом уютный полумрак ее квартирки, и то, как они расстались на рассвете, и тепло ее сонного поцелуя, что все еще горело у него на губах. И все-таки его снедала какая-то неудовлетворенность.

Хенли делалось не по себе при мысли о романтическом свидании, подстроенном и разыгранном при помощи транзисторов, чьи сигналы вызывали у любовников соответствующие стихийные и в то же время роковые реакции. Споры нет, Служба поработала на славу, но что-то здесь было не так.

Он представил себе, как миллионы молодых людей в серых фланелевых костюмах, при галстуках в косую полоску бродят по городу, повинувшись еле слышным приказам миллионов транзисторов. Мысленным взором он видел ночных операторов за центральным пультом управления двусторонней видеосвязью — честный работающий народ, который, выполнив норму по романтике, покупает утренние газеты и разъезжается на подземке по домам, где ждут жена или муж и детишки.

Это было противно, но, что там ни говори, все же лучше, чем вообще никакой романтики. Таков прогресс. Даже романтику пришлось поставить на солидную организационную основу, не то и она пропала бы во всей этой катавасии.

И вообще, решил Хенли, так ли уж это странно, если разобраться по существу? В средние века, чтобы отыскать заколдованную красавицу, рыцарь запасался у ведьмы талисманом. Сегодня комиссионер снабжает юношу транзистором, который делает то же самое и, судя по всему, куда быстрее.

Совсем не исключено, подумал он, что настоящей стихийной и роковой романтики никогда и не

было. Может, в этом деле всегда требовался посредник.

Хенли не рискнул додумать эту мысль до конца. Он расплатился за обед и вышел на улицу прогуляться.

На сей раз твердая поступь и быстрый шаг привели его в кварталы городской бедноты. Вдоль тротуаров тянулись ряды мусорных ящиков, а из грязных окон доходных домов доносились печальное соло на кларнете и визгливые голоса скандалящих женщин. Полосатая кошка уставилась на него из закоулка агатовыми глазами и порскнула неизвестно куда.

Хенли остановился, поежился и решил повернуть назад.

— Почему бы не пройти немного дальше? — подтолкнуло радио. Вкрадчивый голос раздался как бы у него в голове.

Хенли снова поежился и... пошел дальше.

Теперь на улицах стало безлюдно и тихо, как в склепе. Слепые громады складов и железные шторы на окнах магазинов заставили его прибавить шагу. Есть приключения, которых, пожалуй, искать не стоит, подумалось Хенли. Для романтики здесь обстановка самая неподходящая. Зря он послушался радио и не вернулся в свой привычный, залитый светом упорядоченный мир.

Он услышал какую-то возню и, глянув в тесный переулок, увидел, как двое мужчин пристают к девушке, а та безуспешно пытается вырваться.

Реакция Хенли была стихийной и мгновенной. Он уже приготовился задать стрелкача и привести полицейского, еще лучше двух или трех. Помешал транзистор.

— Сами справитесь, — сказала радио.

Черта лысого я справлюсь, мелькнуло у него в голове.

Газеты пестрели заметками о смельчаках, считавших, будто им под силу справляться с бандитами. Как правило, все они попадали в больницу, где на досуге могли поразмыслить о пробелах своего образования по части кулачного боя.

Но радио не отставало, и Хенли, повинувшись роковой неизбежности и тронутый жалобными мольбами о по-

мощи, решился. Он снял очки в роговой оправе, уложил в футляр, засунул его в задний карман брюк и очертя голову ринулся в мрачную пучину переуллка.

Он налетел на мусорный бак, опрокинул его и достиг места действия. Грабители почему-то его не заметили. Хенли схватил первого из них за плечо, повернул к себе лицом и сделал хук правой. Человек запнулся и упал бы, если бы не стена. Его дружок выпустил девушку и бросился на Хенли, который встретил его тройным ударом обоих кулаков и правой ноги. Тот свалился, пробормотав: «Ну, ну, полегче, приятель».

Хенли повернулся к первому. Бандит налетел на него с бешенством разъяренной кошки. Однако, как ни странно, весь шквал ударов пропал вхолостую, и Хенли уложил его одним точным ударом левой.

Грабители поднялись на ноги и пустились наутек. Хенли разобрал, как на бегу один жаловался другому: «Чем эдак зарабатывать на жизнь, уж лучше ноги протянуть».

Эта реплика явно не значилась в сценарии, поэтому Хенли оставил ее без внимания и обратился к девушке. Она уцепилась за него, чтобы не упасть, и едва смогла вымолвить:

— Ты пришел...

— Я не мог не прийти, — повторил Хенли за еле слышным суфлером.

— Я знала, — прошептала она.

Хенли увидел, что она молода и красива. В свете фонаря ее черные волосы отливали антрацитом, а полуоткрытые губы — кармином. Она смотрела на него. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

На этот раз Хенли обнял ее, не дожидаясь подсказки. Он понемногу усваивал форму и содержание романтического приключения, равно как и надлежащий образ действий, ведущий к возникновению стихийной и в то же время роковой страсти.

Не теряя времени, они отправились к ней на квартиру. По дороге Хенли заметил в ее волосах огромный сверкающий бриллиант.

И только много позже он догадался, что это не драгоценность, а искусно замаскированный транзистор.

Вечером на другой день Хенли опять не сиделось дома. Он шел по улице и пытался ублажить бесенка неудовлетворенности, который тихонько скребся внутри. То была чудесная ночь, повторял он себе, ночь нежных теней, шелковых прядей, ласкавших его лицо, и слез благодарности, когда девушка плакала у него на плече. Однако...

Девушка оказалась не в его вкусе, как, впрочем, и та, первая, и с этим печальным фактом ничего нельзя было поделать. Нельзя же, в самом деле, сводить наобум двух совершенно чужих друг другу людей и ожидать, что пылкая мгновенная страсть обернется любовью! У любви свои законы, от которых она ни за что не отступит.

Хенли шел и шел, но в нем крепла уверенность, что сегодня он непременно отыщет свою любовь. Ибо этой ночью рогатый месяц висел низко над крышами, а легкий ветерок приносил с юга смешанный аромат чего-то экзотически пряного и до боли родного.

Радио молчало, и он брел наугад. Он сам, без подсказки, нашел маленький парк на берегу реки, и к девушке, что одиноко стояла у парапета, он приблизился по своей воле, а вовсе не по команде из транзистора.

Он остановился рядом с ней и погрузился в созерцание. Слева стальные капаты большого моста расплывались во мраке, напоминая огромную паутину. Река катила свои черные маслянистые воды, то и дело образуя по течению маленькие водовороты. Завыл буксир, ему ответил другой; они перекликались, как души, затерянные в ночи.

Транзистор не торопился с советами. Поэтому Хенли начал:

— Приятная ночь.

— Возможно, — ответила девушка, даже не повернув головы. — А возможно, и нет.

— В ней есть красота, — сказал Хенли, — для тех, кто захочет ее увидеть.

— Удивительно. Вот уж никак не ожидала услышать...

— Разве? — спросил Хенли, подвигаясь к ней на шаг. — Разве это и в самом деле так удивительно? Удивительно, что я здесь? И что вы тоже?

— Может быть, и нет, — ответила девушка, наконец обернувшись и посмотрев Хенли в лицо.

Она была молода и красива. В лунном свете ее каштановые волосы отливали бронзой. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

От неожиданности она чуть приоткрыла рот.

И тут его озарило.

Вот приключение, по-настоящему стихийное и роковое! Не радио привело его сюда и не радио нашептывало нужные слова, подсказало, как себя вести. Хенли взглянул на девушку, но не заметил у нее на блузке или в волосах ничего похожего на транзистор.

Он нашел свою любовь без помощи Нью-Йоркской Службы Романтики! Тайные мерцающие видения, которые его преследовали, наконец-то сбывались.

Он протянул руки, и девушка прижалась к нему с еле слышным вздохом. Они поцеловались. Огни большого города сверкали и смешивались со звездами в небе, месяц клонился все ниже и ниже, а над черной маслянистой рекой сирены обменивались траурными вестями.

Девушка перевела дыхание и высвободилась из его объятий.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Нравится?! — вскричал Хенли. — Это не то слово!

— Я рада, — сказала девушка, — потому что я Опытный Образец Вольной Романтики, который вам безвозмездно предоставил на пробу трест «Производство Великой Романтики» с главной конторой в Нью-Арке, штат Нью-Джерси. Наша фирма предлагает вашему вниманию истинно стихийную и роковую романтику любого вида. Опираясь на технологические изыскания, мы смогли ликвидировать грубо кустарные приспособления типа транзисторов, которые приносят

скованность и ощущение подневольности там, где вы не должны ощущать никакого контроля. Мы счастливы, что наш опытный образец пришелся вам по душе.

Не забудьте, однако: это — только образец, первая проба того, что может вам предложить «Производство Великой Романтики» с филиалами по всему миру. В этом проспекте, уважаемый сэр, изложено несколько типовых проектов. Возможно, вас заинтересует цикл «Романтика под всеми широтами»; если же вы отличаетесь смелым воображением, вам, вероятно, больше подойдет пикантный набор «Романтика сквозь века». Обратите внимание на постоянно действующий «Городской проект» и...

Она вложила ему в руку тонкую книжицу с яркими иллюстрациями. Хенли уставился на проспект, потом на девушку. Он разжал пальцы, и книжица с шелестом порхнула на землю.

— Сэр, я надеюсь, мы не оскорбили ваших чувств! — воскликнула девушка. — Эти чисто деловые стороны романтики неизбежны, но преходящи. В дальнейшем наша романтика сразу же становится стихийной и роковой. Вы только будете раз в месяц получать счет — по почте, в обычном конверте без указания отправителя, и...

Но Хенли уже бежал прочь, вниз по улице. На бегу он выдернул из петлицы транзистор и швырнул его в сточную канаву.

Комиссионерам от романтики так и не удалось всучить Хенли свой товар. У него была тетушка, которой он позвонил, и та, возбужденно кудая в трубку, тут же устроила ему свидание с дочкой одного из своих старых друзей. Они встретились в тетушкиной гостиной, тесной от обилия украшений и безделушек, и, запинаясь на каждом слове, добрых три часа проговорили о погоде, о политике, о работе, о колледже и об общих знакомых. Тетушка, сияя от радости, потчевала их кофе и домашним печеньем, разрываясь между кухней и ярко освещенной гостиной.

И видимо, что-то в этих строго-официальных, отдающих седой древностью смотринах действовало на молодых людей самым благотворным образом. Хенли начал за пою ухаживать, и они поженились через три месяца.

Любопытно отметить, что Хенли был из последних, кто нашел себе жену столь причудливым, старомодным, ненадежным, бессистемным и непроизводительным способом. Ибо компании обслуживания сразу учуяли коммерческие перспективы «метода Хенли». Был составлен график кривой воздействия замешательства и смущения на психику; больше того, произведена финансовая оценка роли Тетушки в системе Американского Ухаживания.

Вот почему один из самых распространенных и высокоценных сегодня видов обслуживания в ассортименте таких компаний — поставлять стандартных тетушек в распоряжение молодых людей мужского пола, обеспечивать оных тетушек стеснительными и застенчивыми девушками и заботиться о соответствующей обстановке, а именно: ярко освещенной, уставленной безделушками гостиной, неудобной кушетке и энергичной пожилой даме, которая суетится с кофе и домашним печеньем, врываясь в комнату через точно рассчитанные неравномерные промежутки времени.

Дух, говорят, захватывает. До умопомрачения.

Запах мысли

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. По теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приемника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 выплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный

оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сторец, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль — ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локаций?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом теленатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космоле-

тах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от нее и сосредотачиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать — все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливви понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливви был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливви сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестьях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась

о Кливви. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливви улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливви обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливви, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удастся... однажды.

Кливви лег навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устапавливается некое перемирие? Ему было неплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что все еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов денек может выдаться не дур-

ной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодородный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотой в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, наел духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи *можно* выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испро-

бовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы сле-

таются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается все шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, — решил Кливи. — Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К че-

му им драться между собой, понял Кливи, когда на лицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому намеренные удовольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попытался к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка распатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамы. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она понялась. Волки испустили голодный вой, по то же отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за ней и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее называли бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не

поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь убежать от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим теленатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запыла, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять,

потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почти до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подросли как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, ставовясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свиреного степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Поднимается ветер

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее, — посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, — ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса Освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, — сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно, так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон был краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей. Он работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе Освоения, но ни одна не приплась ему по душе. ПОИМ — Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется только стойчески выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон исправно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно оседет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако как только копчался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и в самом деле хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре, и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепропускаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра. Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восьмидесяти двух миль в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немножко поскулить сначала. Вот что: пойдем спросим Сманика, какой прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблучков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцати четырех миль в час.

Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами, подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова, и они сра-

зу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер скоростью в тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — отвечал Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика. Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков.

Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное убежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впились в почву, а остальные протянуты вперед в поисках новой опоры. Или же они катятся по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляют они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо, подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немножко усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь задумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли в станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорей отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходныe отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми крышками. Эта неподвижная машина на шести колесах с толстыми шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция была поставлена на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчаньем мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Десятью две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — отвечал Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорока в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал

даже стук мотора. Скорость его по индикатору была уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо и неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят еще.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — раздумчиво проговорил Клейтон. — Как по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожнее!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатила дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон

увеличил подачу кислорода в маску и принялся за дело.

Через два часа он, наконец, закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, заdraил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать восемь! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелло! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью в сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон все глядел прямо перед собой. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это громыхала каменная глыба величинной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и

просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто вывернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон. Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь его послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра придется пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благословлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра и вскоре обогнал Зверя.

Вот счастливики, подумал Клейтон. Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно только того и ждал — тут-то он и заглох.

Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дует прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — отвечал Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитопная машина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. — Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт!

Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не снятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, закрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря, — сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости — ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора. Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, подумал Клейтон, и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся. В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударили куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на

Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой Три и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь, во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать, сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравятся мне это.

— Ты бы лучше не вылезал пока в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он зашнулся. — Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямоком на его неподвижный и беспомощный танк. Клейтон мель-

ком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двухсот миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя кулаком по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как на льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину. Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, подумал он. Бьюсь об заклад, никому до меня это не удавалось!

Камень, величиной с добрый небоскреб, пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек, — задыхаясь, выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал, чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон всмотрелся в даль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и умолкло. Настала злобная тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

— Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все.

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот пятидесяти футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи

шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. И однако, он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину двухсотпятидесятифутового стального каната...

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держаться нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камешки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстие, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять, короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать, Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту метались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху и опять швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенно удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, сиделся сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверно, весь ободран. Из рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер все не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час; с оглушительным ревом он снова поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, вновь поднял и вновь швырнул. Стальной канат гудел, как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. Долго не продержаться, думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть, и он полетит кувыркком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти трех ветер переменял направление — верный знак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие ланьны — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только несколько зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон.

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямоком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем!

— Куда?

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. — Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко повел плечом вокруг, — это весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуточку.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними еще только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедem с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — радушно отвечал Сманик.

Нет, ничего не выйдет, сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. — Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер кричал.

Билет на планету Транай

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного Бюро Путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай,— сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет,— ответил молодой человек.— Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал.— Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так,— сказал агент уверенным голосом.— Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся:

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай,— угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться,— терпеливо начал объяснять агент.— Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна.— Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай,— сказал Гудмэн.

— Гм,— клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента.— Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо краси-

вы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай,— повторил Гудмэн.— До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересестись на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварии в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично,— сказал Гудмэн.— Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн,— спросил он в отчаянии,— все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия,— сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикирской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикирская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Она сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой вина начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и прозительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм,— бросил бармену старый космонавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж,— ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский»,— сказал капитан.— Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр,— признался Гудмэн.

— Так вот, сынок,— сказал капитан Сэвидж.— Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и сплюли бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молли Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скариков еще промышляла вдоль Звездного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железнному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», — назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан? Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикирской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятирубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический вихрь и, наконец, добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец, он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народу, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неудобное, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадались по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или была эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идрит-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и предстал в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловец висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Трапай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай,— сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Г-н министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо,— сказал Гудмэн, слегка ошарашенный.— Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно первое, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да, да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал...— Гудмэн замялся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо.— В общем я слышал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверное, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет,— поправил его Мелит.— Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит,— потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал,— сказал Гудмэн,— что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал,— сказал весело Мелит.— Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо.— Гудмэн в возбуждении наклонился вперед.— Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно,— сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит. — Видимо, по этой

причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь правится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. —

У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один спийнй поток.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством сказал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот

юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Г-жа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холодная жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит, Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобратся в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-статического поля; он узнал характерное голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в статическое поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако если все жены на Транасе содержатся в статическом поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи? И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проявляться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим, чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольной улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транасе?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумленно спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Борг. — Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн дождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте, — предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три?

Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силится понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жель. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот закричал, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает покупатель?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения.

У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, — педантично продолжал Аббаг. — Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн. — Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно докончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на робото-часы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транее мы даем конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срыгает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказывал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил навести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройти пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не послужило голубое сияние дерсин-поля. В конце концов дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомьтесь с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн пораился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервные), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о губительном Галактическом вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой стрелке, где кровожадные скарибки охотились вдоль

Звездного пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэни «Красный петух» на астероиде 342-AA стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду, — задумчиво сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.
— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содержащий все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро запагал прочь по темной улице.

Гудмэн лихорадочно озираясь, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска «Китти Кэт Бар». Он рванул туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирает стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув, наконец, на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да, да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал на-

доедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог, с его юридическим крюкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравни-тель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Его хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро он услышал шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой

пистолет системы Дрог-три, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал бы вам игло-лучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-три заключается в том, что он не выстрелит, пока не спят предохранитель. — Транаец шагнул вперед и вынул пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой, мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.
— Деньги?
— Да, деньги, и пошевеливайся.
— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлиывая, протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть, — продолжал всхлиывать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым чувством он возвратился в «Китти Кэт Бар» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружнице, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидел большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане

путем нажатия кнопки выражают свое неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транасе движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали много аспектов культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы, научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и следовал немедленно желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних

роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпрашился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транасе бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старик. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Тране не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старик. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR—43241—3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старик. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Тране каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквях или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. Лично мне нравится работать на улице. Такая работа позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что еще я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, невымытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложка в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поближе разберется в этом вопросе.

В Идрик-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иностранцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траны, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траны и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траны, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-ХІ.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. — Мелит подмигнул. — Старый чудака любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникло желания стать министром по делам иностранцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском poste? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Трансе ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. —

Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю в течение некоторого минимального времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, что да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Борг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро пуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Борг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Борг. — Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Оповедам на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Борг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или даже на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, и вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО БРАКОСОЧЕТАНИЯМ

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош,

чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен рас-
плачиваться за совершенство. В данном случае рас-
плачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он об-
наружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, гля-
дя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Ми-
лая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брач-
ными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные.
Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как
с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты
этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — за-
явил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти пере-
мены начнутся в нашем доме.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала
Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись
в космолет.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое пу-
тешествие в безупречный рай. Прелести этой малень-
кой транайской луны были созданы для влюбленных,
и только для них одних. Бизнесмены не приезжали
сюда для кратковременного отдыха, хищные холостя-
ки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разоча-
рованные искатели мимолетных встреч должны были
охотиться в других местах. Единственное правило на
Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что
сюда допускались лишь парочки, веселые и влюблен-
ные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высо-
кой травой и густых зеленых рощиц для прогулок;
в лесных чащах мерцали прохладные темные озера,
а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные,

к их великому удовольствию, постоянно терялись в ле-
сах, но заблудиться по-настоящему было невозможно,
так как всю планету можно было обойти за день. Бла-
годаря слабому притяжению никто не мог утонуть
в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло
страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие оте-
ли. В барах хозяйничали приветливые седовласые
бармены и царил полумрак. Были там мрачные пеще-
ры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз,
в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим
льдом, где лениво текли подземные реки, в которых
плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красны-
ми глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям на-
ходил эти бесхитростные аттракционы достаточными и
не утруждал себя строительством бассейнов для пла-
вания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек
для верховой езды. Считалось, что, как только у влюб-
ленной парочки возникает потребность в подобных ве-
щах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на
Доэ и, наконец, вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через
порог своего нового дома, он первым делом отключил
генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказал он, — до сих пор я соблю-
дал все обычаи Траная, даже если они казались мне
смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не
могу. На Земле я был основателем «Комитета равных
возможностей для женщин». На Земле мы относимся
к женщинам как к равным, как к товарищам, как к
партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, на-
хмутив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом слу-
чае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее,
чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля.
Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы скрип и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, некла

пирог, визала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргирискапа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел ниска и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Транай. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошайек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит. — У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит. — Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — усилием воли Гудмэн заставил себя

успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой природы, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн проницательно улыбнулся.

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иностранцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное место, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнувшись и сполз на пол.

Мелит стаил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попытался и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобряют, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тессисума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью пра-

вительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим

идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть, заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычайно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставить на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изю дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих ду-

рацких роботов! Ты растратывал мою жизнь, Марвин, растратывал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луну, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было все переделывать. Как глупо я поступила, доверившись землянину.

Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчет тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивишься, милый, все мы смертны, — когда ты умрешь,

я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы Греа. Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не буду. В конце концов я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад. — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал тратить время, чтобы обдумать случившееся, а из всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиogramму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастометрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический вихрь и, сделав оста-

новки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикирской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели, наконец, истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикирскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

Обмен Разумов

I

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуть-ся телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп — милое пасторальное селеньеце, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих ко-

ров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколке, Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполнительские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мейн-стрит — главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы — Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки — одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Миами, полюбовался Висячими Садами Лондона и поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал Леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури*, пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему.

То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается.

* Итури — правый приток реки Конго.

Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последилольной практики, — и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Ряк-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо того он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

II

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал франк с ЛСД*.

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

* ЛСД — наркотик.

— Полон сил, как крокодил, — традиционной формулой ответил Марвин.

— Ду коомен* мучо-мучо рапидо? ** — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер, — с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

— Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клоnye имменса де ла кабаца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей

* Ты пришел (голл.).

** Очень-очень быстро (испан.).

его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль*, — оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

— Ну, знаете ли, — только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра**, омбре, айн клейннахтмузик эс демасиадо***, ниht вар? Дер Годт ты руве коснуться...

— Попроще, — прервал Билли не по возрасту солидно.

— Извини, — продолжал Марвин открытым текстом. — У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какую страстью одержим его друг.

— Ясно, — сказал он. — Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

— Мира****, Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми,

* Живо (исп.).

** Слушай (испан.).

*** Это уж слишком (испан.).

**** Здесь: «знаешь» (испан.).

понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Прощона-четыре, то трехстворчатые человекоподобные на Аллун-два, да я просто помру, если не увидаю тех мест воочию.

— Точно, — согласился друг. — Я бы тоже хотел их повидать.

— Нет, ничего ты не понимаешь, — возразил Марвин. — Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девочками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин, — сказал он мягко, — это все ясно как дважды два, ей-богу же, гадам буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно, — ответил Марвин, — если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь! — вырвалось у шокированного друга.

— Нет, сделаю! — настаивал Марвин. — Клянусь Кристо Мальбэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

— Как ты можешь?! — не унимался Билли. — Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтоб у тебя в голове поселился пескоструйный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира, — сказал он. — Рекуэрдо ке* на Марсе

* Здесь: «Не забывай, что...» (испан.).

я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости, — сказал Билли.

— Неправда, — не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друга, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор, как он научился читать, — Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девятисто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. — Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

III

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высокого детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Бландерс. — Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джендльмена с Марса зовут Зе Крагган, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-Скерпского университета.

— На что он похож? — спросил Марвин.

— Судите сами, — ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илстой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень, — заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Угогстамке, — продолжал Бландерс, — на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж, — сказал Марвин, — не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда, — ответил мистер Бландерс. — У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволенных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? — сказал Марвин со сдавленным смехом.

— Смело могу заявить, что нет, — заверил его ми-

стер Бландерс. — Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком; даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, унаси бойке, вас могло угрождать на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь, — сказал мистер Бландерс, — прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно *lex talionis* *.

— Как, как? — не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб, — пояснил мистер Бландерс. — Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что Акт об Ответном Ущере заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, — сказал Марвин.

* Закон талиона (латин.).

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности, — ответил мистер Бландерс. — Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Море, — признался Марвин.

— Все знают столько же, — ответил Бландерс. — Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно, — сказал Марвин. — Давайте я послушаю.

— Да я же вас только что предостерег, — удивился Бландерс. — Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью, — ответил Марвин, — но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука, — сказал Бландерс. — Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между восприятием известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

— Нет, — ответил Марвин. — Почему это называется «пансаизм»?

— Объяснение заложено в самом названии, — сказал Бландерс. — Дон-Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление — пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит, — уточнил Марвин, — я могу подумывать, что вижу корову, когда на самом деле передо мной альтаирец?

— Именно, — подтвердил Бландерс. — Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

IV

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам, с нашими органами чувств, альдебаранские квисы как-то ближе, несмотря на то, что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охрило-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой

дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам не доставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шок, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессио-

нальном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу» или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра, — произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба, — ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо, — сказал Флинн. — Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю, — отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись чьи-то возбужденные голоса. — Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, — сказал Флинн. — И, конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны, — одобрил чиновник. — Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного, — сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке. — Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле, — заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждающий выпить пять глотков рани, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним — третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот! — вскричал старик. — Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр, — одернул его Марвин, — я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас, — ответил престарелый марсианин. — Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен, — вмешался первый чиновник, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. — Он дважды сплюнул на пол. — Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница! — взвыл престарелый марсианин. — Это махровое надувательство.

— Сэр, — с холодным достоинством возразил Мар-

вин, — вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая! — вскричал старик. — Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

— Джентльмены, — сказал полисмен, — взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

V

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет, — сказал фулжимянин-телепат, когда все выстроились перед ним. — Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр, — от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост, — я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно, — ответил телепат. — Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, — отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так, — подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности? — переспросил полисмен. — От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас, — повторил телепат. — И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

— Но постойте! — воскликнул полисмен. — Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством, — провозгласил полисмен. — Более того, заглянуть в будущее — значит прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно, — признал телепат. — Приношу извинения.

— Ничего, ничего, — сказал полисмен. — Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть, — ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в та-

ком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно, — сказал полисмен. — А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить, кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас, — сказал телепат, когда Марвин кончил рассказ. — А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

Право, не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвокат, и занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подражаться, хоть я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фиброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сидипорте, другой — тренер кланитов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочери нет даже приличного комплекта чесательных па-

лечек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадуматься.

И вечно он пытается раздобыть денег за на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, — не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему и говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз купил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твиловые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи? Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь полгалактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь по доброй воле на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако

увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный дискониотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакого тела мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаюсь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию — охотиться на кваренгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес таковы слова:

— Оба мы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоя-

тельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему, — сказал он, — лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение, — одобрил телепат. — К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что, — ответил телепат, — по сообщению земных органов власти, чью телепатею я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают тревогу, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно толковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законах, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага! — пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатухе, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатухе не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией места действия повестей Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно? — не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем, — признался марсианин. — Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффективно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства, — пожал плечами марсианин. — Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки? — удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Ришпер де Лоу — травести, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да, да, разумеется, — энергично закивал сыщик Урдорф. — Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало, — сказал Марвин. — По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала, — обиделся Урдорф. — Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль, — сказал Марвин.

— Мне тоже жаль, — сказал сыщик Урдорф. — Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо, — поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

— Ну?

— Прошу прощения? — ответил сыщик.

— Я говорю «ну»?

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?»

— Я хочу, чтобы мне его вернули, — сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что, что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, — подхватил сыщик с понимающей улыбкой. — Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать, — ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, — согласился Урдорф. — Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело, — сказал сыщик. — Или, во всяком случае, попытаться. И не зачем меня оскорблять. Я в конце концов не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так? — смягчился Марвин.

— Право же, так. — В кротком голосе сыщика не было и следа затаенной обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин спросил:

— Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая, — ответил сыщик Урдорф. — И, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немного, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? — осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого, — решительно подтвердил Урдорф. — Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное, — сказал Марвин. — Но ведь это значит...

— Это значит, — перебил его сыщик, — что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот кончиться.

Марвин смеялся, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что, если полоса все же не кончится?

— Не будьте суеверным, — ответил сыщик. — Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться, — сказал Марвин.

— Я тоже, — признался сыщик с виноватой улыбкой. — Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. — Урдорф мечта-

тельно поднял глаза к потолку. — Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна кончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр, — вежливо согласился Марвин. — Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет, — сказал Урдорф. — Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините? — пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться, — заверил его сыщик. — Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций считает, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет, нет, я не извинялся, — сказал Марвин. — Я просто...

— Вполне понимаю, — прервал его сыщик. — Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать, — сказал Марвин, — что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят, — задумчиво произнес сыщик. — Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что, — сказал Марвин, — если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувечковечение.

— Это-то я знаю, — ответил сыщик. — И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными, — сказал Урдорф. — Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю, — пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются, — утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно, — смирился Марвин. — Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет, — сказал сыщик. — Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите? — спросил Марвин.

— А я уже приступил, — ответил сыщик. — Пошли, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно — отправлюсь на край вселенной. Это преступление я раскрою!

— Рад, что вы так настроены, — заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд, — размышлял Урдорф вслух. — Слышанная ли штука — такая полоса неудач? Но теперь она кончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может, — согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, — хмуро сказал сыщик. — Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словеч-

ки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь нестигаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться, — ответил Марвин. — Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно, — рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. — Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять, — угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит пререкаться, — сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. — Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю, — сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете? — спросил Марвин. — Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик, — с бледной улыбкой ответил Урдорф. — Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: оставайтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

Заметка в «Марс-Солнце-Ньюз» (печатный орган трех планет):

СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разыгравшемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристальнее разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня, — сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно, — сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только *in согроге**.

Марвин поведал свою историю вплоть до того зло-

* Здесь: «в собственном теле», то есть собственной персоной (латин.).

получного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекнут контрольные шесть часов и Марвина, лишённого тела, бросят в неведомую галактику, прозванную людьми «смерть».

— Ух ты! — сказал эрланин. — Ты случайно не жалеешь ли себя?

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею, — вспыхнул Флинн. — Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, — ответил эрланин. — Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимилодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись, — посоветовал эрланин. — При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого, что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли, — сказал Марвин. — А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

— Это же, наверное, опасно, — возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелены его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся.

— Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небы-

липы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливого, малый!

— Пойдите! — вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. — Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери, — ответил эрланин. — Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэйну, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Дротхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят креди-

тов в месяц, и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дротхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут? — спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И, — повысил голос зазывала, — неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже, — проворчал человек. — Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем, — сказал продавец. — Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно, — ответил человек. — Я Шон фон Ардин, побывал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передраг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского, — отвечал фон Ардин. — А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты, — продавец был явно ошеломлен. — Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатей второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Аназорее и почти на ползания ниже дорпанского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца, — продолжал продавец. — В этом чине вы пробудете в течение

двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений, — о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем мелантрамом-супериором, а это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это со- стряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эриде- вургом.

— Что ж, — фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, — сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение, — сказал продавец. — Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен теленатически воспринимать сексуальные побуждения медридариянской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандалщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же

лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандалщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по поясу, стоял и курил сигару ладный, выдавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни, коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

VIII

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разину- тым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хонне- ри сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь заню- ханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хо- чешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипу- чем голосе не было и тени подобострастия, в очер- таниях искривленных губ — ни признака заискива- ния. Этот человек говорил то, что думал, и не заботил- ся о последствиях.

— Я... я клиент, — выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне, — съязвил Мак-Хоннери. — Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знаю- щего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о

людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела, — объяснил Марвин. — Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с эспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании «Новые Редкоземельные Элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-два, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму, ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, — сказал Мак-Хоннери. — А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность,

искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно, — сказал Марвин, — если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю, — вздохнул Мак-Хоннери. — Ты некавалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что некавалифицированных разумов везде как собак переизнанных. Рынок ими затоварен, вселенная забита — пошвам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр, — с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку, — сказал Мак-Хоннери. — Если не ошибаюсь, ты искал работу.

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты некавалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага! — сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно, — с сомнением произнес Флинн. — И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепенулся Мак-Хоннери. — Ты друг Пороха?

— Считайте, что так, — ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала, — сказал Мак-Хоннери. — Не то чтоб от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть некавалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр. — Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. — У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да, — сказал Мак-Хоннери. — Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво, — сказал Флинн. — А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, — ответил Мак-Хоннери. — Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

— А что за должность? — спросил Марвин.

— Официально она называется «индигатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение, — сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу. — Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроу-мельдском языке, который считается официальным языком

планеты Мельд-два, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя панять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каких-то случаях не обязана... и да помилует бог твою душу.

— Как, как? Повторите, — попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да, вот, — сказал Флинн, — насчет всех этих обязательств...

— Это неважно, — отмахнулся Мак-Хоннери. — Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

IX

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносились легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковой траве. Капли воды с мучительным трудом соскальзывали вниз по спутанной

листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ференгол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый злобный кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, — он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые припились почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна-Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место, — сказал менеджер, — которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее, — продолжал менеджер, — этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Морishaде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются прируче-

нию. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение, — отметил менаджер, — не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме — если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных рабочих опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкции.

— Инструкций? — переспросил десятник. — Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать? — уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и, наконец, отреагировал:

— Ты должен собирать яйца ганзер.

У него получилось «гансер».

— Это-то понятно, — сказал Флинн. — Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волнуйтесь, — ответил десятник. — Ты знай, когда увидешь без ошибка, да.

— Есть, сэр, — выпалил Марвин. — А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила на счет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться, — сказал десятник, — ты подни-

май яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю, — заверил Марвин. — Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А! — сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. — Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно, — без заминки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполнится. Уловил?

— По-моему, да, — ответил Марвин. — Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка, я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута, — десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: — Ты меня разыгрывай, малыш?..

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутики шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения, — сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

Марвин Флинн бесшумно неся по лесу; поздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная анипсифиадом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес разворачивал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлысткнжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусино-го яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая

сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетирировало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попало в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо ганзера заговорило.

— Слушай-ка, мистер, — сказала оно сдавленным голосом, — что это на тебя нашло?

— Как, как? — переспросил Марвин.

— Слушай, — сказала яйцо ганзера. — Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрастье — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился? Вот я и решил отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрастье — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли, — ответил Марвин, — ты ведь яйцо ганзера.

— Это мне известно, — сказала яйцо ганзера. — Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего это запрещается законом?

— Конечно, нет, — ответил Марвин. — Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо ганзера сказала:

— М-да, мне так и слышалось. — И рассмеялось почти беззвучно. — Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите, — с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. — Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда,

— Извините...
— Выпустите меня!..
— Не могу.
— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами ганзеров.

— О господи, — сказала яйцо ганзера, — большого идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, — пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И действительно, не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет, нет, — заверил Марвин. — Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе поменьшанный, спокойный, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и, глазом не моргнув, заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами ганзеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубовато сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца ганзеров.

— Собирать... яйца ганзеров! — простонало яйцо ганзера. — Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся! — прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо, — проговорило яйцо ганзера, помолчав. — Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей, — ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить, — сказала яйцо ганзера, — тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего, — ответил Марвин. — Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно! — взвизгнуло яйцо ганзера. — А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней, — попросил Марвин.

— Бешеный, — пробормотало яйцо ганзера в сторону. — Абсолютно, совершенно невменяемый. Возможно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда, — твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй, молись, — сказал Марвин. — Только побыстрее закругляйся.

— О господь бог, — нараспев затянуло яйцо ганзера, — не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старался быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что ты добр, и значит, есть к тому причина... хоть я и слишком глуп, чтобы ее разгадать. Слушай, боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком. — Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. — Особенно молю тебя о младшем, боже, ведь он хроменький, и другие детиш-

ки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готов, — сказала оно Марвину. — Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щечки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез? — спросило оно.

— Всерьез, — ответил Марвин. — Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

— Благословенно будь имя божие, — тихо проговорило яйцо ганзера. — На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомого не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, порывая сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти

гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкуру Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком...

XI

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коришун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замедлением сердца воззрелся на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф! — вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, — сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Слава богу, что вы здесь! — ответил Марвин. — Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и

если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвоздила к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините, — сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, — но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил, — объяснил сыщик Урдорф. — Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в размере тысячи долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так, — сказал сыщик.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете, — сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а, — протянул сыщик. — Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валийте, задавайте, — сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробьиного яйца.

— Угу. — Сыщик занес это в свой блокнот. —

А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

— 87792,3, — без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рапсодия орангутанга», — ответил Марвин.

— Угу. Отлично, — сказал Урдорф, захлопнув блокнот. — Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулимена на проверку самоличности.

— Вот как, — сказал Марвин. — А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет, — ответил Урдорф. — Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в грузе быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это списало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам, — сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет? — спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории

вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

— Разумеется, — сказал Марвин. — Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я несколько не сомневаюсь в результатах, — ответил сыщик Урдорф. — Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово, — сказал Марвин. — А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал, — строго ответил сыщик. — Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружиче.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

XII

— Погоди! — заорал Марвин.

— Зачем? — спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

— Я не хочу умирать, — сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь, — ответил ган-

зер отнюдь не враждебным тоном. — И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа, — сказал ганзер. — В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полно, — сказала яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, — стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о твоих естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых, — продолжал ганзер, — у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдяна, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крейслере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдяна — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорили в точности то же самое! — воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

— Вот те на! — сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей:

мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение, — сказал ганзер чуть погодя. — Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?

— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

— Моя планета! — вскричал Марвин.

— Я уж и сам догадался, — ответил ганзер. — Ты американец. Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк! — вскричал Марвин. — Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка, — сказал ганзер. — Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи, — тихо произнес он. — Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, навряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили дого-

ворную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода, — сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. — Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марвин.

— Да вот, — сказала яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, — я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, — сказала оно зловец.

— Ничего не может быть хуже, — отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь, — напрямик сказала яйцо ганзера. — Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику, — ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилося вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

ХПН

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник, — сказала яйцо ганзера. — Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройте моему разумению!

— Я — Марвин Флинн, — сказал Марвин, — а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

— Пришел тот час, когда навеет скорбь

Крик стаи журавлей, летящей вдаль.

Сова-беглянка минет стороной

Печальный мой приют, лишенный благ, —

Что дарит небо, отнимают люди!

Мерцают звезды, молча глядя в окна.

О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит, — перевело яйцо ганзера, — что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом? — спросил Отис. — Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

— Теперь прочти мне вслух! Не потеряю,

Чтоб ложь змеей вползла

В мой разум, мне измену предвещая!

— Он не желает, чтоб вы шептались, — перевело яйцо ганзера. — Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить, — сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный, — оскорбилось яйцо ганзера. — Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

— Речь варвара! Паршивая овца

И та пристойней блеет!

— На что он намекает? — спросил Марвин.

— Ты такой умный, догадайся сам, — ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел, — сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно, — сказала яйцо ганзера по-прежнему хмуро. — Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него, — сказала яйцо ганзера. — Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. — Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж! — в панике отозвался Отис.

— Молчание сгущается. Теперь

Пусть муж честной уста свои разверзнет.

Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться, — прокомментировало яйцо ганзера. — Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас, — предложил Отис.

— Я вам не шестерка, — возмутилось яйцо ганзера. — Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, — это «Рубан» Омара Хайяма, — признался Марвин.

— Ну и валяй, — подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

— Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?

На расу раса ополчилась без причин...
Пришли мы получить совет, поддержку —
Не обращай надежды нашей в дым.
— Размер ломается, — шепнуло яйцо ганзера. —
Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

— Изложено отменно, чужестранец!

Сверх ожидания, найдешь ты помощь:

Мужчины, невзирая на обличье,

Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

— Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.

Заря роскошна, сумрачен закат.

Найдет ли бедный пилигрим спасенье

Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

— Зело способен; в тощие года

Худому языку навлечь недолго

Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

— Коль ты мне друг, оставь словесную игру.

И прочь отправь тотчас, иначе я умру.

Мне дела нет, что скажут пустомели, —

Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

— За мною, господа! Расправьте плечи!

Мужайтесь!

И пусть надежны будут стремяна!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но как выразился Отшельник:

— Пусть вам приспособление не по нраву —

Зачем хулой уста вы осквернили?

Свет истины не меркнет, если даже

Лучи его на вас не пролились.

Мозгами пораскиньте: сколь разумно

Пренебрегать дурным вином в пустыне,

Где губы запекаются от жажды?

Зачем же избавителей своих

Вы судите сурово? Грех великий —

Неблагодарность: кто укусит руку,

Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-IX.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь, — сказал Отшельник, — займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне? — поразился Марвин.

— Да, в тебе, — ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен, — заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен, — сказал Отшельник. — И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно, — сказал Отшельник. — С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами, — ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело, — сказал Отшельник. — Тогда я был на открытом воздухе. При-

ходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровавые расы, которые убили бы меня на месте, если бы только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю, — сказал Отшельник. — Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт? — спросил Марвин. — Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно, — ответил Отшельник. — А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же, — сказал Отшельник. — Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь, — уперся Марвин. — А еще что у вас есть?

— Больше ничего! — отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю, — сказал Марвин. — Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за

Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

XIV

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немислимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большой частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещь, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целых две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, серый дар. В худшем — черный; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он

знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук. — Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щеко-ча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплавились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

— Голодранцы тупые! — прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкуп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (Тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он лежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, прове-

рил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптической, а УИТ (универсальные игрек-точки) — не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа ЗВ; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, — к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спир-

ного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливого оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг МАРДУК КРАС.

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикурнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой порой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырёх галерей, а в труппах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двухгалерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгоний и рениксы. Была консервированная «казарка белошекая под ротиферорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук

не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империял» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смещения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трагическое облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познавания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобритительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), присло-

нился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая ногтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил *en grosse** по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представительен и смахивает на ученогуманитария. Звезды с неба навряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем мириад огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в перепле-

* На манер малярной кисти (франц.).

тении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытие под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

XV

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец? — нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно, — ответил Марвин. — Все кажется каким-то чудным.

— Не стоит волноваться, — заверил его ковбой-бродяга. — У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях? — возразил Марвин. — В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что? — сказал ковбой-бродяга. — Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй, — воз-

негодовал Марвин. — Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не понишеешь, — сказал ковбой-бродяга. — Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твоё восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неопутимая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, как они есть на самом деле? — спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа, — ответил ковбой-бродяга. — Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятым, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь преспираяться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию мета-

форической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят, — презрительно сказал Марвин.

— Извини, — ответил ковбой-бродяга без тени смущения. — Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется, — сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: — Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво, — серьезно проговорил ковбой-бродяга. — С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул, — хладнокровно сказал Марвин. — Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу, — ответил ковбой. — В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура! — гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчеркнутые глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля, — вскричала омерзительная красотка. — Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное, — сказал бродяга, — что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы на-

слаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недостижимого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно? — сказала накрашенная ведьма. — Но ты мне больше по праву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое? — полюбопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак, — нараспев произнес ковбой-бродяга, — перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пшли! — воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам, э-э... спасибо, — промямлил Марвин, — но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви? — недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-панчо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинувшись если не природным склонностям, то по крайней мере велению

рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно! — приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтоб перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, бога ради, не плачь! — прервал его ковбой-бродяга. — Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу! — насморочно всхлипнул Марвин. — Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую! — утешил ковбой. — Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга опрометью метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слонным потоком, расположенным чуть пониже и левее подпещевидного ганглия.

Жуки эти пытаются чужими эмоциями — их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягания их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

XVI

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загнилотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь вдвое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолевала великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! Погоди! — вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоском в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз — отпустил предплечье, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирено встряхнул.

— Дурак несчастный! — закричал он. — Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

XVII

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы, — сказала она. — Мой поступок — поступок идиотки или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых щечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Пояски в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн, — представился Марвин.

— Фристия Хелд, — назвалась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, — сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно, — ответил Марвин, тоже вставая. — Когда мы увидимся?

— Никогда, — проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо! — воскликнул Марвин. — Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? — прошептала она.

— Мы не должны расставаться! — сказал Марвин.

— Ничего, переживете, — ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь, — угрозил Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место, — предсказала она.

— Вы просто демон-искуситель! — вскричал он в ярости.

— Мы разошлись, как в море корабли, — поправила она.

— Неужели мы не встретимся? — осведомился Марвин.

— Время покажет.

— Я бы ходил за вами как тень, — с надеждой сказал Марвин.

— К востоку от солнца и к западу от луны, — произнесла она нараспев.

— Как вы немилостивы, — надулся Марвин.

— Я забыла про время, — сказала она. — Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

— Один за мою крошку, другой на дорожку, — бросил он бармену.

— Все бабы фальшивые, — сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня, — пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка, — изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

— Розовый коктейль за мою голубую мечту, — распорядился он.

— Может, она устала, — предположил бармен.

— Не знаю, за что я ее так люблю, — констатировал Марвин. — Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как брэнчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраняю в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

— Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в ломотях.

— Чего тебе? — грубо спросил Марвин.

— Вы хотите видеть тот очень красивый мучача еще раз?

— Да, хочу. Но что ты можешь...

— Я частный сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

— Что за странный у тебя говор? — поразился Марвин.

— Ламбробрианский, — ответил сыщик. — Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда, в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

— Чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня называть? — с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробрианнин.

— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Так я и услышать, — сказал Вальдец. Он протянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

— Я человек кроткий, сеньор, — обратился он к Марвину. — Я не легко обижаюсь. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидным. Я ничего не прошу, только разводить пейотовый побег в высокий горах Ламбробии под сень того дерева, что называться «шляпа от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.

— Вполне сочувствую.

— И все же, — продолжал Вальдец с нажимом в голосе, — когда эксплуататор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилают красный туман, пож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

— С каждым может случиться, — сказал Марвин.

— А ведь несмотря на острое чувство чести, — заявил Вальдец, — я в общем-то как дитя — порывист и беспечен.

— Я, собственно, успел это заметить, — отозвался Марвин.

— Но хватит об этом. Так вы хотите нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад? *

— Си, омбре, — со смехом ответил Марвин. — И эль дезео венсе аль миедо! **

— Луэс, аделанте! ***

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячами сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

* Хороший урожай продается на корню, не так ли? (испан.).

** И желание побеждает страх! (испан.).

*** Итак, вперед! (испан.).

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое уса-
тое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвидиус, ко-
торое в северных широтах безошибочно указывает на
северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию,
Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра
(дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в
час) и мха на деревьях (отрастающего с северной сто-
роны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сде-
лал поправку на восточную погрешность — один фут
на милю (снос) и южную погрешность — пять дюймов
на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем,
приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-за-
падном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу,
как они вышли из городской черты на покрытые жнивье-
м поля. Еще через час исчезли последние признаки
цивилизации, потянулось нагромождение гранита и
скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в
Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? — спро-
сил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой
физиономии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет, — пожал пле-
чами Вальдец.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел.

— Но вы же говорили, будто знаете.

— Никогда я ничего подобного не говорил ни пря-
мо, ни косвенно, — сказал Вальдец, наморщив темно-
коричневый лоб. — Я говорил, что помогу вам ис-
кать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно, — заявил Вальдец, стро-
го подняв куцый палец. — Наши поиски не имеют

ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

— Да, конечно, — сказал Марвин. — Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет, — безмятежно ответил Вальдец.

— Ага, — сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и, наконец, пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти? — спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться, — ответил Вальдец.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь доплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Значит, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немного, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? — возмутился Марвин.

— А очень просто, — ответил Вальдец. — Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически, — сказал Вальдец. — Какая передо мной задача? **НАЙТИ КЭТИ**. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне

ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

— Что?.. — спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все, — торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терраотовыми руками. — Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему? — переспросил Марвин.

— По теории поисков, — повторил Вальдец уже не так торжествующе.

— Понятно, — сказал Марвин, ничуть не потрясенный. — Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, — как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы, — ответил Марвин.

— Несмотря на то, что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж, — сказал Вальдец, — а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской *milieu* *, Гордон Слай разыскивает Найду Мак-

* Среда (франц.).

карты, энтропия преследует энергию, бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

— Из этих примеров, — говорил Вальдец, — мы строим общую концепцию поисков, и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно, — продолжал Вальдец, — теория поисков навязывает нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

— Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась, — сказал Марвин, — значит, ее нельзя по-настоящему найти.

— Суждение само по себе справедливое, — ответил Вальдец. — Но это, конечно, всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, — успокоил Марвина Вальдец. — А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будут активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многоядным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его

найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется верить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу! — вскричал Вальдец. — Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего? — переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения? — спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет, — ответил Вальдец, — я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина? — спросил Марвин.

— Вообще-то да, — сказал Вальдец, несколько удивленный и сконфуженный. — Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно, — признался Вальдец. — Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище, — сказал ему на это Вальдец, — когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

XIX

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, порывил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский поздраватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно, — ухмыльнулся он. — Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не расклеваться, си?

— Да, уж конечно, — пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями, — нараспев произнес он, — вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да, уж конечно, — откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копыя ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел

на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему, — сказал Марвин, — нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище, — сказал он, — я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете? — переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные, поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, — такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

— Да вот, — начал Марвин, — я не уверен...

— Зато я уверен, — спокойно заявил Вальдец. — И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны, — сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. — Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище, — рассмеялся Вальдец. — Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря, — возразил Марвин, — я тревожусь о своей безопасности.

— Пустое! — весело вскричал Вальдец. — Жар страсти обличает наигранный холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет.

Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин боком подался вперед.

Вальдец попятился.

— О нет, дружище! — вскричал он. — Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя итапкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой привязанности, затем к любви и, наконец, к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но, наконец, оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это не... — начал Марвин.

— Да, сын мой, — тихо сказал Вальдец. — Это село Монтана де лос трес Никос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру* — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, — и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

XX

Монтана де лос трес Никос! Здесь среди прозрачных озер и высоких гор простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

— А это действительно лучшее место для ожидания? — спросил Марвин.

— Нет, не лучшее, — с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. — Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избежали ошибки «мнимо-оптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого

* Гуру — наставник (инд.).

под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй, — отвечал дядя Макс. — Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, — ответил дядя Макс. — Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю, — сказал Марвин. — Но, дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре*, — отвечал дядя Макс. — Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

— Знаю, — сказал Марвин. — Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих

* Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некому вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозил ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозилась ему пальцем?» — «Я его не пугала, — ответила Смерть. — Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

поступках, — сказал дядя Макс. — До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка № 2 была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

— Далеко ты забралась от дома, мамуля, — сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин, — откликнулась мать. — Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин, — рассказала мать, — я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Бывиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я побаловаться. А когда я сказала «нет», он сгрэб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж, — сказала мать, — на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за другим, и вот я здесь.

— Вина выпьешь? — предложил Марвин.

— Спасибо за внимание, — сказала мать, — но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану, — ответила мать. — У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин, — сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, занял обед графином Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец! — закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин, — поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. — Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое, — ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного, — сказал он сыну. — Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно, — произнес Марвин.

— Признаться, — продолжал отец, — кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

— Папа, — сказал Марвин, — только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного, — заметил отец. — Я, бесспорно, дал кругалю, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что, если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав, — сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора, — сказал отец. — Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр, — отвечал Марвин. — Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испенелл сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю, — делится позднее Марвин с Вальдецом. — Почему они все меня находят? Это даже как-то противос естественно!

— Противос естественно, — заверил его Вальдец. — Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно, — сказал Марвин. — Но и в высшей степени невероятно.

— Факт, — согласился Вальдец. — Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— Брось, я не совсем понимаю, — сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где есть теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

— Гмм... — промычал Марвин.

— Конечно, — прибавил Вальдец, — надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратную пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так,

когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это, — спросил Марвин, — что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно, — ответил Вальдец. — Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно, — сказал Марвин. — Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да, — подхватил Вальдец. — Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что, — протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды, до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС? — спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, — искренне развеселился Вальдец.

— Этого-то я и боялся, — поскутнел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин, — согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: — Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть? — воскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое, — ответил Вальдец.

— И все же, — сказал Марвин, — если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит, — ответил Вальдец.

— Я настаиваю, — сказал Марвин. — В конце концов в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится, — заметил Вальдец. — Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса ключок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну? — поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, — сказал Вальдец, — и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически протестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посадке медленно движется какая-то фигура.

— Кэти! — закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, — констатировал Вальдец. — Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по до-

роге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

XXI

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения; и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследовавшей интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что, наконец, пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радуж-

ных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспыхки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорожкой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

XXII

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посадки, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристекас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неопишуемой, руками и ногами

несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: «Увы, сеньор, мы не видали та женщина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связанное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, — она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубочист подглядел, как она покидала город с золотистой-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка помнить меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не подавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничто не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его загадочному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожусь...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в угол, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле пож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему.

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстрадационской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только ра-

на; а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии.

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех человеческих ценностей казалась необратимой; такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же, как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день вопреки всем ожиданиям произошло новое событие: оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно пастежь распахнуло плюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин за-

метил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И постоянный Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в первом тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался; благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела *risus sardonicus**, точно у малайца в амоке.

* Саркастическая усмешка (латин.).

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

XXIII

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнотрубный и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденит как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Крагаш.

— Похоже на то, — неторопливо произнес он, — что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, сценетировали последний акт? — хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть, — ответил Крагаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разума, — сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? — вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. — Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Крагашем?

— Брак! — воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься, — жалобно сказала Кэти. — Но,

поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорила темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощенья ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прощу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! — твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Крагаш. — Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Крагаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног запутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач, — протянул Крагаш. — Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас! — захихикал.

— Руби! — взвыл Крагаш. — Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф! — закричал Марвин.

— Да, это я, — сказал марсианский сыщик. — Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько тревог, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой? — переспросил Марвин.

— Я имею в виду, — криво усмехнулся Урдорф, — чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

— Я... я, кажется, понимаю, — промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто, — сказал сыщик Урдорф. — Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здоровой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания, — сказал Краггаш. — Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение, — вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходивцу, а свой разум — в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника, — заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением, — возразил Краггаш, — а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год, — сказал сыщик Урдорф. — Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле? — холодно вымолвил Краггаш. — По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его! — заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен, — поддразнил он преследователей, — то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей! — орал Марвин. — Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.

— Скорее! — крикнул Марвин.

— Бесполезно, — сказал Урдорф. — Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать? — взревел Марвин.

— Ничего, — сказал Урдорф. — Он ушел в Искривленный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним! — объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя! — объявил Урдорф. — Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у вас до того малы...

— Не меньше, чем у Краггаша, — прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете! — прокричал Урдорф. — У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

XXIV

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была, наконец, математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искаженный Мир», «Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний», издание 483-е

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зеркальная деформация». В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и

процессы, тем самым делая вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Грифф, «Эвклид-Сити Фри Пресс»

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частности, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллю-

ми. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся пережить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит распадку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного»
Зе Крагаша (библиотека имени Марвина
Флинна)

XXV

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес.

Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый проситель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноющим фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед слева был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать? — спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли? — ответил толстяк. — Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь, в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя потропить, даже если у вас и дела-то всего — продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш, — сказал он, — ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента, рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражда-

нин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогообплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещающий чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? — спросил он.

— Это я, — отвечал Марвин. — И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно, — сказал клерк, — это потому, что еще не получены машины. — Он заглянул в бумаги. — Вы подавали прошение о труп?

— Совершенно верно, — подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

— Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

— Я намерен использовать его как украшение.

— По какому праву?

— Я специально изучал оформление интерьеров.

— Укажите фамилию, или опознавательный кодový номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

— Таракан, — выпалил Марвин. — Номер 3(32)A5345.

— Кто умертвил?

— Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

— Цель последнего умерщвления?

— Ритуальное очищение.

— Прощение удовлетворено, — сказал клерк. — Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Испытание было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

— Я выбираю вас.

— Так и запишем, — сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, — поддразнил он. — Но не достаточно, верно? Желание придает плоти пужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер — это я.

— А я труп, — сказал труп клерка. — Когда мстить, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права, — сказал толстяк. — Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр, — заверил его труп клерка. — Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк. — Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Краггаш.

— Опыт 342, — решительно заговорил Краггаш нарастав. — Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Незвизывая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копьё. Он отскочил (неуклюже — мешала большая нога), и копьё просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забили в гаубицы, которые уничтожили копьё, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи продолжал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Моррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит, — сказал Первый начальственным тоном. — Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет, — туманно изрек Третий.

— Слушай-ка, — сказал Первый, — а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй. — Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

— Заткнись, макаронник, — цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, — мрачно ответил Второй. — Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, ни х вар?

— Умойся, — хмуро сказал Третий. — Никакой ты не итальянка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я продаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте, — сказал Первый, — я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память, — пробормотал Второй. — Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли. — Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно, — пробормотал Луиджи.

— Призыв не есть созыв, — изрек Третий.

— Но я действительно не помню, — упорствовал Второй.

— Я тоже не больно-то хорошо помню, — сказал Первый. — Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я называю цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

— Святая правда! — взревел Луиджи. — И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

— А я-то думал, ты итальянец, — упрекнул его Келли.

— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

— Не страннее моей, — сказал Келли. — Вот вы кличете меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в мебелированных Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый. — Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!

— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий. — Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

— Пассивное сопротивление есть форма нападения, — откликнулся Четвертый.

— Недопустимое доказательство есть все же доказательство, — парировал Третий.

— Не пойму, о чем это вы толкуете, — объявил Второй.

— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, — окрысился Четвертый. — Я категорически отказываюсь быть Марвином.

— Никто не может отказаться от того, чего не имеет, — ехидно вставил Келли.

— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый. — Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаю диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бах-ае.

— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре, — сказал Третий. — Кто из вас будет Келли?

— Я, — сказал Келли.

— Ты хоть понимаешь, — спросил Луиджи, — что имена есть только у нас с тобой?

— Это верно, — сказал Келли. — Мы с тобой не такие, как все!

— Эй, минуточку! — сказал Первый.

— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

— Держи язык за зубами!

— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю, — продолжал Луиджи. — Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Крагашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краган ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга души. Трое нумерованных, лишённые природных прав,

которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал «Все брамины — дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...

Схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая, единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор.

Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберийских обезьян, а Краггаш пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно избред он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш занаршивил: под погтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный лежал Краггаш — олицетворение зла, — сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четверовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и разможжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетою». И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаша.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперерабатывающий завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаем почтением надел.

XXVI

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географиче-

ски находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношении отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобилдовал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искраженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на власть, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима; корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться

привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искраженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искраженном Море нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искраженном Море причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не обязательно, ничто не необходимо.

Поэтому вполне допустимо, что Искраженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искраженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частных, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искраженном Море, и Земля, воспринимаемая его сознанием, — всего лишь эфемерная эмапация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, — обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искраженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заве-

денным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавер и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектеди, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоу-на и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

Четыре стихи

Длистер Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, одноплеменный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность его как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно худощав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами его очков скрывались водянистые, тусклые глаза; лицо его покрывала редкая растительность.

Словом, Кромптон выглядел клерком. Он и был клерком.

Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает в пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой респектабельной фирмы.

Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно: Меланхолического темперамента Воды. Причина этого — в избытке холодной, сухой, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.

Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Крэтшмера, притчей-предупреждением, гиперболой католицизма и печальной карикатурой на человечество.

И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел досточтимых докторов, которые сделали его таким.

Кромптон с завистью наблюдал, что его окружают люди во всей маяющей сложности своих противоречивых характеров, люди, восстающие против тех банальностей, которые общество пытается навязать им. Он видел отнюдь не добросердечных проституток; младших офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою жизнь день за днем ровно в девять часов утра Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни он уже аккуратно складывал гроссбухи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомысленных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Эвклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничтожения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, он пытался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиной в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он как-то в Нью-Йоркскую Контору Бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В этот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и соответственно росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей — словом, всего человеческого. И ради этого он жил, работал, и ждал, и, наконец, достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте согласно федеральному закону человек получал право на Реинтеграцию личности.

На следующий день после этой знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения — результат семнадцатилетнего труда — и отправился с визитом к своему врачу,

твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

— Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

— Ужасно, — ответил Кромптон.

— Что тебя беспокоит?

— Я сам, — ответил Кромптон.

— Ага, — сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка. — Чувствуешь себя немного ограниченным, э?

— Ограниченный — не совсем то слово, — натянуто возразил Кромптон. — Я машина, робот, ничто...

— Ну, ну, — сказал доктор Берренгер. — Все не так уж плохо, я уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

— Меня толпнит от самого себя, — решительно заявил Кромптон. — Мне необходима Реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

— И к тому же, — продолжал Кромптон, — мне уже тридцать пять. По федеральному закону я имею право на Реинтеграцию.

— Имеешь, — согласился доктор Берренгер. — Но как твой друг, как врач я настоятельно советую тебе, Элистер, не делай этого.

— Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

— Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

— Но хоть один шанс у меня есть или нет?

— Почти нет.

— Тогда я требую осуществить мое право на Реинтеграцию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

— Ну что ж, обратимся к твоему случаю, — сказал он.

Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мари Берд в Антарктиде, родителями его были

Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном Элистер был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а в смысле интеллектуальном стоял гораздо выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти «периоды зачарованности» появлялись все чаще и становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителем — местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил маленькую девочку. Та закричала — он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла и, уж во всяком случае, не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспросы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной пизофрении, Элистера можно было бы спасти. Даже у очень молодых эта болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней зоне вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в Средние Века. Иммунология еще не нашла вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к Полному Расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через Проектор Миккльтона помещали в инертное вещество Тел Дюрёра.

Тела Дюрёра — это андройды*, рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федеральный закон разрешал Реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в Телах Дюрёра, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходили Реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если Расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обморожениями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней зоны не знал ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследования.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его бывшая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечки разбитым ста-

каном, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризующем мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную клинику Ривера в Нью-Йорке. Там не замедлили поставить диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистер, одиннадцатилетний мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственно, что заполняло ее, это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что Полное Расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без Расщепления Элистер был обречен провести остаток своей жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку Расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него три независимых одна от другой личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрёровы Тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей, оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу,

* Андройд — биологический человекоподобный робот.

даже по достижении законного возраста — тридцати пяти лет — надежды на успех последующей Реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было Расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их права на Реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом, разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых Телах получили новые имена и сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов были помещены в детские приюты — один на Марсе, другой на Венере, — почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно, доминирующая личность в его подлинном облики, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными его частями, ему не доставало. Ему не доставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уж ему никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. неизбежное в таких случаях разрастание этих качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, Реинтеграции...

— Вот как обстоят дела, Элистер, — сказал доктор Берренгер, захлопывая фолиант. — Доктор Власек решительно возражал против Реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

— Но это же мой единственный шанс, — сказал Кромптон.

— Никаких шансов, — возразил ему доктор Берренгер. — Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде,

слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной пизофрении, но предрасположение к ней у тебя осталось. Прибегни к Реинтеграции — и тебя ждет функциональная пизофрения, и это уже навсегда.

— Но у других-то получалось! — воскликнул Кромптон.

— Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная пизофрения, чтобы шизоидные компоненты заковели.

— Я должен использовать последнюю возможность, — сказал Кромптон. — Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

— Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач я не могу...

— Дайте адреса, — холодно потребовал Кромптон. — Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я, наконец, стану полноценным человеком.

— Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны! — воскликнул доктор. — Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

— Мне все равно, что они собой представляют, — сказал Кромптон. — Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

— Спасибо, доктор Берренгер, — коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы Элистера от Реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали у него в кармане и вся ответственность

легла на его плечи, Элистера захлестнула тревога. Он лишь дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым — имя Дэна Стэка, Восточные Болота, на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что собой представляли эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный рассудок был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится, изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он Реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой респектабельной фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью работа каждое

утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни он уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал свой невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный Клуб Счастья — ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы — бросил. Все это не спасало его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходит в монотонных заплатах клерка, а потом еще тридцать, и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды — и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдлуайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию № 3 и короткорейсовым кораблем «Локхид-Лэкавона» добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в ховер, который доставил его на Марс, Станция № 1, где Кромптон прошел таможенные, иммиграционные и санитарные

формальности, а потом прибыл в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным желудочным легким, стойчески перенес инъекции стимулятора и, наконец, получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптоп был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий Канал, Кромптоп, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но Канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптоп вновь погрузился в свои кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и «Сандей Таймс» в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять Ванны Вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 67 градусов по Фаренгейту. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптоп остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко одетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странным, неподвижным тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки Подлинных ремесленных изделий Исчезнувшей Марсианской Цивилизации, всматривался в блистающие огнями ре-

стораны и коктейль-холлы — новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в Дом Мамы Тиль, где пониженная гравитация позволяет испытывать куда больше наслаждения, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптоп укрылся в маленьком садике, присел там на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг, яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах, — накрашенная Иезавель, которую Кромптоп отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения поздырями — за всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптоп стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить пустяковый вопрос о неоплаченных счетах с ним. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко и парядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании Лумиса, но дать какую-либо информацию о нем отказалась.

Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптопу, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в Салуне Красной Планеты.

Кромптоп расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.

Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными

осенними бурями. Игровые дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на непристойную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния — такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг «Откровением Трех планет». Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанаду или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности Лавки Грез, в которых торговали любимыми наркотиками, и сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все другое прочее — чего только душа пожелает.

Кромптон разыскал Салун Красной Планеты, вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов за длинной стойкой бара в их нестрых рубашках, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром — чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.

И тут — ошибки быть не могло — он увидел Лумиса.

Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй — сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.

Он был высок и строен. Его костюм и сама манера одеваться лучше всего передает слово из кроссворда «ворсистый». Узкий череп покрывали прилизанные волосы мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.

Внешне он несколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие — этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию Расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.

Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.

— Кто вы? — спросил Лумис.

— Элистер Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего подлинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?

— Да, конечно, — сказал Лумис. — Я все думал, поживите ли вы когда-нибудь. Хм!.. — Он оглядел Кромптона с головы до ног, и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.

— Ну ладно, — сказал Лумис, — пойдемте в мой номер, там поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.

Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.

Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по степам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Картерум». Как вам нравится? — спросил Лумис.

— Довольно трогательно, — ответил Кромптон. — Но, должно быть, это ужасно дорогое удовольствие?

— Пожалуй, — небрежно произнес Лумис. — Это мне подарили. Присаживайтесь.

Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запахи духов — сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.

— Этот запах...

— К нему нужно привыкнуть, — сказал Лумис. — Это обаятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я сейчас выключу.

Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникала у него в голове, — медленную, чувственную, мучительно волнующую; Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.

— Она называется «Déjà vu», — объяснил Лумис. — Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещь, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное — это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро вычислил он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.

Он пришел к ужасному выводу: только то, что было в комнате Лумиса, стоило больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть три жизни с четвертью.

Лумис протянул стакан Кромптону.

— Это мед, — сказал он. — Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.

Кромптон отхлебнул медового напитка.

— Восхитительно, — сказал он. — Наверно, дорого?

— Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?

Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрье-

ровом Теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты его лица, марсианский загар, гладкие мышинного цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса — обычную улыбку баловня судьбы, — падменный изгиб губ, первые пальцы, поглаживающие кусок парчи, всю его фигуру, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинического темперамента, в основе которого лежит Огонь — потому что слишком горяча его кровь, она рождает в человеке беспричинную радость и чрезмерную привязанность к плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душой мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип — наслаждение в чистом виде, — которым Лумис руководствовался в своей жизни, был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

— Как вам удастся сводить концы с концами? — резко спросил Кромптон.

— Я получаю деньги, оказывая услуги, — улыбаясь, ответил Лумис.

— Попросту говоря, вы вымогатель и паразит, — сказал Кромптон. — Вы наслаждаетесь за счет богатей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

— Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете, — сказал Лумис, закуривая сигарету цвета слоновой кости. — Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность — это какая-то особая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого они не менее на-

стоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богатей? Людей смешил сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

— В таком случае, почему бы ему не отказаться от богатства? — спросил Кромптон.

— А почему бедняк не отказывается от своей нищеты? — парировал Лумис. — Нет, этого нельзя делать, мы должны принимать жизнь такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать.

Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность *учить*, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я!.. А их женщины, Кромптон!.. У них ведь тоже есть *свои* нужды — настоятельные; срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспитаны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне повезло: у меня талант именно в этих делах. Вот я его и применяю. И конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему трудно было поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля

было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для Реинтеграции.

— Так вот, — сказал Кромптон, — ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для Реинтеграции.

— Мне это ни к чему, — сказал Лумис.

— То есть вы хотите сказать, что не согласны?

— Абсолютно верно.

— Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукomплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем Реинтеграции.

— Безусловно, — сказал Лумис.

— Значит...

— Ничего это не значит, — сказал Лумис. — Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

— А вы не забыли, — сказал Кромптон, — что вы пребываете в Дюрберовом Теле, а срок его существования всего сорок лет? Без Реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, *максимум* пять. Бывает, что Дюрберовы Тела ломаются и раньше срока.

— Да, верно, — сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

— В Реинтеграции нет ничего плохого, — продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном. — Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

— Нет!

— Но ваше будущее?..

— Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем, — с самодовольной улыбкой возразил Лу-

мис. — Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало. Пят лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет — ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет — срок почти невыносимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

— Ничего не изменится. Через пять лет — коротких пять лет — вы умрете.

Лумис пожал плечами.

— Я следую правилу — никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик, приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

— Но это невозможно, — объяснил ему Кромптон. — Вы тогда будете на Марсе, я — на Земле, а наш третий компонент — на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы даже не вспомните.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Лумис, поглядывая на свои часы. — А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверное, предпочтет...

Кромптон встал.

— Если вы передумаете, я остановился в мотеле «Голубая Луна». И пробуду здесь еще день или два.

— Желая приятно провести время, — сказал Лумис. — Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду — сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал Марсианских ростков и Красного Солодина. В киоске он купил книжечку акрестихов. Вернувшись домой, он разгадал три кроссворда и лег спать.

На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он

уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет неоставать их исконной трети — Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственно, что оставалось Кромптону, это вернуться на Землю реинтегрированным и жить там по мере возможности. В конце концов есть какая-то радость и в напряженном труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные достоинства.

Но тяжело ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порты Ньютона.

Когда Кромптон унаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

— Я передумал, — сказал Лумис. — Я согласен на Реинтеграцию.

Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

— А почему вы передумали?

— Какое это имеет значение? — возразил Лумис. — Разве мы...

— Я хочу знать почему, — сказал Кромптон.

— Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь анельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

— Ну, пожалуйста, — попросил он.

— Рассказывайте, — неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

— Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может оказаться потрясающим обывателем. В моей профессии встречаются подводные камни — мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель — и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

— Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожь в руках.

— Больше всего на свете боюсь физического насилия, — проговорил он. — Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

— Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере? — настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

— Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровенный неандерталец, выскочка муж, он заглядывал во все са-луны и отели, обещая переломать мне ноги. У меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуй-ста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство недостаточности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

— Ну что ж, давайте реинтегрировать, — сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу — две части целого, жаждущие единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и его Дюрьерово Тело рухнуло, сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брюнет.

— Где он? — закричал брюнет.

Кромптон показал на распростертое на полу тело Лумиса.

— Разрыв сердца, — сказал он.

— О! — растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) сказал брюнет. — О!.. Да... О!..

— Он, конечно, заслуживал этого, — холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний раиндо.

Долгое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили, наконец, возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие основные проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот уже тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советником и доброжелателем.

Но Реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис существовали в одном разуме подобно планете и луне — независимые, по, по сути, неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие, да и не способные посягнуть на каждый своей автономией.

Конечно, какое-то взаимопроникновение происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединился Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, Реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк захочет реинтегрировать (а может, и не захочет), но три эпизодических компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

— Стоит ли об этом беспокоиться, старина? — спросил Лумис.

— Стоит, — сказал Кромптон. — Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психонатические элементы возьмут верх, и тогда...

— Так или иначе, нам придется просто смириться, — возразил Лумис. — Стерпится — слобится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура Лумис — спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис — уже оказывал на него свое действие. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в Порт Ньютон. Кромптон пересел в короткорейсовый до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на хоповере добрался до пересадочного пункта. Ему пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Веперу. Разбитой молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об «оплозциях» и «экономических орбитах», но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалась очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою

подпись в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги; раздать долги, расплатиться с комиссионером, а остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых он очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением Бейзик Иггдры — основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и взялся за трудные правила Иггдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в Главном Салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, очень живая, с сияющими глазами и блестящими черными волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех минут Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки, что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил полосу Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались но-

ги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал ее к столу уже *Кромптон*, и тихо разговаривал с нею тоже *Кромптон*, и касался ее руки *Кромптон*, а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это.

Около двух часов ночи девушка ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы «В» и вне себя от счастья свалился в постель.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что «ну»?

— Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

— Да никто нас не приглашал, — в недоумении возразил Кромптон.

— Но она же назвала номер каюты, — объяснил Лумис. — Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

— Не верю! — воскликнул Кромптон.

— Даю слово, — сказал Лумис. — У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение палицо, путь открыт. Вперед!

— Нет, нет, — сказал Кромптон. — Не хочу... То есть не буду... Не могу...

— Отсутствие опыта не извиняет, — твердо заявил Лумис. — Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай — бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернул назад и сел на кровать.

— Абсолютно исключено, — твердо заявил он.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Замужество, — терпеливо разъяснил Лумис, — это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как

появилось замужество, существовали мужчины и женщины, и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

— Это аморально, — не очень уверенно возразил Кромптон.

— Совсем наоборот, — уверил его Лумис. — Ты не женат, значит, твои действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди *замужем*. Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к цельности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и, наконец, есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за счет своей сильной личности, и его «я» выиграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

— Пустая софистика, — сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

— Молодец! — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

— Абсолютно невозможно, — сказал Кромптон.

— Ну что еще стряслось?

— Твои аргументы, — сказал Кромптон, — могут быть одинаково справедливы и несправедливы — не мне о том судить, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: *ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!*

— Но, черт возьми, я — это ты! Ты — это я! Мы две части одного целого!

— Нет, еще нет, — сказал Кромптон. — Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет Реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты

предлагаешь. Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было: «засранец желторотый!» Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенса.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами антител типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей — удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить *cordon sanitaire* вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

— Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда — прощай Реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптому его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он, как личность главенствующая, создавал свою ответственность. Он делал все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно, и, наконец, ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике № 3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против Ползучей Лихорадки, Венерианской Чумы, Болезни Найта и Большой Чесотки. Им дали порошки против Инфекционной Гангрены и профилактические инъекции от Черной Меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптому он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры — целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жителей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала их происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толпы, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присосков, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота — согласно последним сведениям, Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемежающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы *зикры*. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото — это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд Зее. Здесь Кромптон разыскал дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик; немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Моррисона выдумана, должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, незащищенной девушке.

— Где мне искать Дэна? — спросил Кромптон.

— Так разве вы не знали, что Дэн уехал откуда? — спросил старик, смагивая слезу. — Это было лет десять, а то и все пятнадцать назад.

— Восточное Болото показалось ему слишком скучным, — с обидой сказала старушка. — Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

— Не захотел нас беспокоить, — поспешно объяснил старик. — Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

— А куда он уехал? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу, — ответил старик. — Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Пять, а то и шесть лет назад, — сказала старушка. — Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд Зее, заходя во все маленькие сонные городки на своем пути.

— Ну что ж, — сказал Кромптон, — нам остается только одно: едем в У-Баркар.

— Пожалуй, верно, — сказал Лумис. — Но, честно

говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень Стэк.

— Да и мне тоже, — согласился Кромптон. — Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для Реинтеграции.

— Что поделать! — сказал Лумис. — Веди меня, о старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Дэннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании — уж очень безлюдны эти Болота Мокрени.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир — вот чем был новый фронтир Земли, сказал возница. Марс — это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских кеббучников и австрийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они бьются с аборигенами, существами каменного века, потомками ящериц Аисами. Их великие победы на Перевале Сатапы у Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной Реки и на Голубых Водонадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собою группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят зем-

лян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли — дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли — фрукт, созревающий два раза в год, — стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной, крупным, краснотелым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной змеи.

— Дэн Стэк? — переспросил старшина. — Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

— Если вам нетрудно, расскажите почему, — попросил Кромптон.

— Отчего ж, пожалуйста, — сказал старшина. — Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

— Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там было, кажется, с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в городах, были рады-радехоньки избавиться от нас. Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью Аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

— Я говорил Стэку, — продолжал Гаарис, — что надо их погонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

— Контракт на двадцать лет? — спросил Кромптон. — Выходит, Аисы фактически ваши рабы?

— Так оно и есть, — согласился старшина. — Кое-кто из хозяев пытается приукрасить это дело, называет его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизовать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся дай бог каждому! Я думал, у него дело пойдет.

— И что же?.. — подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

— Сначала он был просто молодцом, — сказал Гаарис. — Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал насмерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его угрожал, не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых — они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача — заставить Аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишил нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

— Стэку просто нравилось пускать в ход бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверно, чипетцы ее и откусили.

Ну, я поставил его на работу в сушильную, но и тут он затеял драку и убил четырех Аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда он собирался путь держать? — спросил Кромптон.

— Он заявил, что Аисов надо уничтожить, чтобы

освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб Бдительных.

— Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей, — сказал Гаарис. — Они там пытаются навязать свои условия Серидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

— Он мой брат, — сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

— Да, — сказал старшина, — родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего брата я в жизни никого не видел, а я-то уж насмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

— Я должен найти его, — сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

— Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и приплюсую местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до Бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк — еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как сами Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условностями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе, — внесет должную толику агрессивности, жесткости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компонентом.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся

в путь в сопровождении юноши из чипетцов по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь нылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь своей способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от того места они обнаружили лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прептис, был высоким, худощавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

— Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего его репутация. К тому же однорук... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

— За что? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев. Мы здесь не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории. Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между Ансами и поселенцами,

не допускал бы набегов ни со стороны Аисов, ни со стороны землян и, главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул.

— Вы ведь знаете его, э? Тогда вы сможете представить себе, как это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказывал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю, слышали.

— Нет, не слышал, — признался Кромптон.

— Да ну! Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя Аисов, оставшееся вне закона и причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку. У одного из Аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с Аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он пуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

— А где он теперь? — спросил Кромптон.

— Но почему вы так интересуетесь этим человеком? — резко спросил командир.

— Он мой сводный брат.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч — владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и сказал:

— Как туда добраться?

— На каное, — ответил командир. — Нужно спуститься по Реке Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая Река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

— Я должен добраться до него, — сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

— Законом это не возбраняется, — сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта — самая крайняя граница освоенного человеком района Венеры. Город находится в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэнтцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Таким образом, в Дельте можно было найти и состояние и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой Реке, что тихим потоком крадась сквозь сердце Края, таились свои особые опасно-

сти, которые уносили в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плавание по этой реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец их страстий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каное, нанял четырех гребцов-aborигенов, приобрел оборудование, ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

— А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

— Да, верно, — неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на Реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об односторонности! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Он часть нас, — возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

— Все будет хорошо, — не очень убежденно сказал Кромптон.

— Будет ли? — усомнился Лумис. — Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой Реке? Но, предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк-убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все больше ужасали Кромптона, зато все сильнее захватывала его мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел Реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была подчинена одной страсти — достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть крошечная.

— Мы едем, — сказал Кромптон.

— Элистер, пожалуйста! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним и Лумисом существуют глубокие, непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без Реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему — и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

— Ты не хочешь вернуться? — спросил Лумис.

— Нет.

— Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу служило тело Кромптона. Оно лежало, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал с его лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жила.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть и слабее по своей натуре, на этот раз, уверенный в собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антигел.

На долгие часы две личности сплелись воедино, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилось в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного — и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать, захватил, наконец, все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было его тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, сам, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

— Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

— Мы вернемся на Марс, — продолжал Лумис. — Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

— Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, — сказал Лумис полковнику. — Кажется, он действительно слишком далеко зашел.

— Вы приняли мудрое решение, — сказал командир.

— Так я хочу немедленно вернуться на Марс.

Полковник кивнул.

— Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто, — сказал ему полковник. — Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томисона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас Орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Пожа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам повезет поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за зикра. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Инланд Зее до Порта Нью-Харлем. Помоему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну, а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.

— Спасибо, — еле выговорил Лумис.

— Сообщите мне ваше решение, — сказал полковник.

Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новым, предстоящим ему путешествием через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.

Трудно было добраться сюда; но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. *Ему*, Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. *Ему*, Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И *ему*, Лумису, придется выполнять все мелкие будничные обязанности, связанные с путешествием, которые раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.

Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой природы, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников-городов, он не сталкивался с грубым, беспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели и которая поставляла такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явственно представился его собственный конец. Он увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понуря голову сидеть под проливным дождем в боло-

тах. Он попытается продолжить путь, обрета третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется, что сохранение жизни требует слишком много усилий и напряжения. И как уже многие до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

— Кромптон?..

Нет ответа.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытащи нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

Все нет ответа.

— Ну хорошо, Кромптон, — сильным шепотом произнес Лумис. — Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только, пожалуйста, *прими власть!*

— Спасибо, — ледяным тоном сказал Кромптон и взял на себя контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщал ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря Бдительных, пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой Реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ как водяной паук скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ проходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась

на середину потока, и палоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплыли места, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

— Жуть! — нервно сказал Лумис.

— Да, жутко, — согласился Кромптон, сам содрогаюсь от страха перед окружающим.

Кровавая Река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных Аисов. Однажды днем два каноэ Аисов устремились в погоню за их лодкой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упрямо гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них пролился поток стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился на борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого Аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высывало из воды свою круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать следующих. Но это речное божество послужило и защитой Кромптону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла невообразимый крик и бросилась наутек, в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку все последние сто миль их путешествия. И когда они, наконец, добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно оставилось, некоторое время недовольно наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванный красной краской. Он повернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта. Население 92».

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашенных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных, утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь, — сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч, провиант».

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

— Есть кто-нибудь? — позвал Кромптон. Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый, усатый мужчина лет пятидесяти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара.

— Дэн Стэк? — спросил Кромптон.

— Там, — указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

— Прочь от двери, — сказал он.

— Почему? Что случилось?

— Вы что, не знаете, что ль? — спросил усач.

— Нет! А вы кто такой?

— Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кротовой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

— Ну и сколько ему сидеть? — спросил Кромптон.

— Точно два часа.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-е-е.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело, — сказал Тайлер. — Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк будет в тюрьме точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы почувствовать удар. Он спросил:

— А что сделал Стэк?

— Убил.

— Аборигена?

— Черта с два, — с отвращением ответил Тайлер. — Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека, его зовут Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и дня, значит, это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартон Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья — это я — приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как

только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

— Когда состоялся суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа, — заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кротовой Дельте, попусту время не тратим, — с гордостью ответил Тайлер.

— Да, я догадываюсь, — сказал Кромптон. — Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же вам сказал — Финч кончается, — ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. — Вы потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кротовой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут не поздоровится. Нам не нужны все эти штучки-дрючки крючкотворов, чтобы разобрататься, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

— Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат.

— Тем хуже для вас, — сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо с ним увидаться. Всего на пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.

— Ничего не выйдет, — ответил шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.

— Всего две минуты.

— Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!

Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

— Ну вот и ребята, — сказал Тайлер. — Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете присутствовать при повешении.

Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дуб-

леной кожей, огрубелыми лицами — словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.

— Не делай глупостей, — предупредил Лумис.

— А что я могу сделать? — возразил Кромптон.

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа людей сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Пора кончать с ним! — кричала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка. — Дайте слово сказать.

— К чертям собачьим! — крикнул кто-то. — Кончай с ним!

— Мое последнее слово! — выкрикнул Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф:

— Пусть скажет свою речь, ребята, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.

Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.

Дэн Стэк был крупный, ладно сложенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на разгоряченный лоб, черная щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом, — с избытком горячей желтой желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культа

правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, — начал Стэк.

— И это ты *нам* рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был лжецом и обманщиком, — орал Стэк. — Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.

Толпа хохотала над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали, — орал Стэк. — Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховой натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд Бдительных, и два года я был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

— Ты кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь, — завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице. — Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. *Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!*

— Хорошо, — сказал шериф. — Если у тебя все, то пора приступать к делу.

Стэк закричал:

— Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь богом, я не причинял зла Финчу!

— Ну, ты, наконец, кончил? — спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Начнем! — сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк.

И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе Кромптона.

И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптому:

— Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зло.

В какую-то долю секунды Кромптон вспомнил предостережение доктора Берренгера:

Безумие или нечто похуже...

Лумис продолжал бубнить:

— Совершенно испорченный, злой, никчемный, абсолютно безнадежный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк так же страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадежным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в себя.

Толпа зарычала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и после минутной страшной судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара — сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

— Ну, как вы там, в порядке? — услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа Тайлера.

— Да, теперь прекрасно, — автоматически ответил Кромптон.

— Понятно, повешение для такого цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?

— Конечно, — туло ответил Кромптон.

— Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.

Тайлер ушел, Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достиг ли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.

Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой Пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых Горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.

А вот и Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.

Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.

Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали — полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстрелять из пулемета весь город, а потом выдать это за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей СТЭКА на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать Бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!

Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба своих компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии Расщепления углублялись, появились новые, непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.

— Очень сожалею, — сказал он Кромптону. — Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.

— Кто другой?

— Я пытался, — простонал Стэк. — Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на Расщепление.

— На что?!

— Вы что, не слышите? — спросил Стэк. — Я... я тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я обзавелся еще одним Телом Дюрбера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду проще. Но ошибся!

— Так есть *еще один* наш компонент? — воскликнул Кромптон. — Конечно, без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

— Я пытался, — стонал Стэк. — Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, я смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

— Кто это был? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду, и от этого немного взбесился, и встряхнул его, и потом разгромил салун Морнарти. Но я не убивал Бартона Финча. Он просто не хотел жить!

— Так наш последний компонент *Финч*?

— Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и должны затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. «Доберись до лавки», — приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потом вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры, которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. А в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на Реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыло печеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему — он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли — Флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное

рвление реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать иднота посмотреть и увидеть. Даже Лумис искал и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их объединенном усилии.

Все трое они не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя четвертями своего «я», тремя компонентами, непреодолимо вызывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча — бесконечное спокойствие и терпимость — затопили его. Четыре Основных Темперамента Человека, в основе которых лежат Земля, Воздух, Огонь и Вода, соединились наконец. И слияние стало, наконец, возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая глотками горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Финча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказуемое удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

О Роберте Шекли

Около двух лет назад Клуб любителей фантастики при МГУ провел опрос с целью выяснить отношение читателей к современной научно-фантастической литературе*. Анкеты позволили определить писателей-фантастов, которые пользуются ныне наибольшей популярностью. Первыми были названы Ст. Лем, братья Стругацкие, Р. Брэдбери, А. Азимов, И. Е. Ефремов, А. Кларк, Р. Шекли. Получилось странное сочетание имен — словно нарочно объединили различных, а порой прямо противоположных по творческой манере авторов. Здесь Станислав Лем, строгий стилист, писатель поразительно широкого диапазона и научной эрудиции; здесь братья Стругацкие с их удивительной способностью находить и ставить злободневные проблемы. В списке Артур Кларк, блестящий популяризатор науки, противник разного рода умозрительных вольностей, Рэй Брэдбери, то социальный критик и мрачный пророк, то впечатлительный мечтатель и поэт, влюбленный в звездные миры и космические краски; И. Ефремов с его широкими социальными полотнами и окрашенными грустью поисками подлинной красоты. Каждый из этих писателей создал особый мир, ввел в литературу множество героев, сцен, событий, которые стали неотъемлемым элементом художественного мышления современного человека, во многом определяя его представления о дальних мирах и будущих звездных маршрутах.

Здесь и Роберт Шекли.

Его популярность среди наших читателей стремительно растет, хотя переводили его произведения пока весьма скупо. Его герои и излюбленные сюжеты во многом оказываются для

* См. «Фантастика, 1967», «Молодая гвардия», М., 1968.

нас неожиданными, не укладываются в обычные представления о «научной фантастике». В самом деле, герои рассказов Шекли охотно пользуются научными открытиями и удивительной техникой, которой их снабжает автор. Пользуются, но не больше. У них свои чисто человеческие проблемы, переживания, огорчения, и им просто нет дела до перспектив и тонкостей науки, до ее многообещающих линий развития. Творчество Шекли заставляет нас еще раз внимательно присмотреться к специфике литературного жанра, названного столь странным сочетанием слов — «научная фантастика», — соотнести его особенности с запросами читателей, с потребностями нынешней духовной жизни.

В связи с фантастикой чаще всего можно услышать такое рассуждение: «В наш век бурной научно-технической революции и быстрых социальных сдвигов закономерен возрос интерес к будущему развитию человечества. Люди все чаще задумываются над тем, каким будет это будущее, по каким путям пойдет человеческая история. В поисках ответа они обращаются к научной фантастике, которая ставит эти проблемы в особой художественной форме».

Подобная точка зрения имеет широкое распространение, особенно среди авторов критических статей по научной фантастике. Больше того, именно такое представление нередко служило основой для упреков в адрес отдельных писателей в том, что они искаженно изображали будущее, непозволительно пессимистично смотрели вперед. Действительно, если мы читаем описание далекого будущего, в котором действуют межгалактические монополии и всекосмические бандиты, и рассматриваем фантастов как футурологов из сферы изящной словесности, то вполне логично предположить, что автор увещевает буржуазные порядки, и оценить его работу как ненаучную и сомнительную.

Разумеется, каждое художественное произведение имеет определенный социальный смысл, занимает свое место в современной борьбе двух идеологий. На Западе немало произведений так называемой «нечистой фантастики», в которой проповедуются культ насилия, садизм и т. д. Такого рода произведения неуместно противопоставлять прогрессивным социальным идеям и поэтому заслуживают суровой отповеди.

Но было бы наивно думать, будто картина, описанная в том или ином произведении, непременно соответствует представ-

лениям автора о будущем человечества. Мы имеем дело не с наукой, а с литературой, с тем, что Маркс характеризовал как «духовно-практическое освоение действительности», в отличие от ее теоретического освоения. Литература и наука отражают различные общественные потребности, по-разному формируют свое содержание.

Тогда и возникает почти что Гамлетов вопрос: а о будущем ли фантастика (разумеется, не с формальной, так сказать хронологической, точки зрения, а по реальному социальному смыслу и пафосу)? Вопрос этот не таит в себе никакого коварства; это необходимое уточнение, без которого трудно понять современную фантастику, произведения Шекли в частности.

Впрочем, неожиданность такой постановки вопроса не случайна. Долгое время у нас почти не издавалось произведений современных зарубежных фантастов, и наши представления об этом жанре основывались на том направлении, которое получило наибольшее развитие в советской литературе. Для нас сейчас очевидно, как интересно и содержательно начиналась советская фантастика — во всем многообразии тем и сюжетов, с ощущением революционной динамики общественно-исторического процесса и отчетливым критицизмом в адрес буржуазного мира*. Однако в тридцатые годы фантастика, по меньшей мере в своей наиболее массовой общепризнанной форме, все более самоопределялась как разновидность юношеской литературы. Речь обычно шла о каком-либо выдающемся научном или техническом изобретении, которое грозило изменить судьбы мира. Оно становилось центром столкновения различных политических сил, которые сами по себе читателю были уже знакомы. В этом русле, продолжая линию «Гиперболоида инженера Гарина» Ал. Толстого, появлялись: «Человек-амфибия» Ал. Беляева, «Истребитель 2Z» С. Беляева, «Пылающий остров» и другие романы Ал. Казанцева, «Тайна двух океанов» Адамова и т. п. Имелись, разумеется, произведения, которые не укладывались в данную схему, но не они определяли облик этой литературы, которая в основном оставалась фантастикой «ближнего прицела».

* См. об этом статью Р. Нудельмана «Фантастика, рожденная революцией» («Фантастика, 1967», «Молодая гвардия», М., 1968).

Вопрос о научности такого рода произведений имел строго определенный смысл. Это был вопрос о мере научного правдоподобия того открытия, которое двигало сюжет, о способности автора предвидеть ход научно-технического прогресса. Позже критиков восхищала, например, параллель между гиперболоидом Гарина и современными лазерами, а история изготовления атомной бомбы вполне была бы в духе такого произведения, вышедшего, скажем, в тридцатые годы. Во всяком случае, именно в научно-техническом и социально-политическом просветительстве усматривалось основное назначение и общественная значимость научно-фантастических произведений.

После войны первым крупным произведением, которое показало неправомочность сведения фантастики к научному изобретательству и раскрыло иные, социально более значительные и содержательные возможности этого жанра, стала «Туманность Андромеды» И. Ефремова. В этом непреходящая заслуга автора и секрет общепризнанной популярности его книги. То был уже тип крупномасштабной социальной фантастики, ставящей широкие, глобальные проблемы, где фантастичность распространялась не только на те или иные элементы общества, а на само общество в целом. Здесь вопрос о научности, о мере правдоподобия не сводился к возможной логике научно-технического прогресса. Обсуждению подлежала уже картина в целом, само социальное бытие, а не отдельная его деталь.

Разумеется, ничто не мешает рассматривать картину будущего, нарисованного Ефремовым, в традиционном аспекте — как научное предвидение грядущего развития общества. Несомненно также, что будущее в изображении автора «Туманности Андромеды» может быть подкреплено некоторыми общими соображениями современной науки об обществе. Однако описывалось столь далекое время, что перед автором никак не стояла задача вывести это будущее из современного состояния общества. Пафос книги был в другом. Главной стала тема Человека в космическом мире, его встреча с Непознаваемым, тема неограниченных творческих возможностей людей и галактической солидарности разумных существ.

Такова примечательная особенность современной фантастической литературы: ее причудливые сюжеты, невероятные события, совершающиеся в бесконечно дальних мирах, скры-

вают глубокие философские раздумья о месте человека во вселенной. И такой широкий угол зрения, когда жизнь на Земле выступает как момент, этап в вечном круговращении материи, позволяет в совершенно неожиданных направлениях посмотреть на смысл существования человечества, как-то «со стороны» оценить привычные наивно-антропоцентристские представления, представить себе возможное многообразие форм жизни в космосе.

Недавно западные экраны обошел фильм, сделанный по роману А. Кларка. Он повествует о космической одиссее в 2001 году. Здесь нет возможности подробно говорить о нем. Стоит отметить лишь одну деталь, которая дает ключ к пониманию идейного пафоса картины. Показывается ли жизнь обезьян, только что берущих в руки орудия, или космические экспедиции людей, в кадре появляется черный обелиск как олицетворение таинственных сил, которые всегда будут подстерегать человечество и дразнить своей неподвластностью. На пути к Юпитеру герой гибнет, и, когда он умирает вторично (критики в этом эпизоде, наверное, углядят дань мистике, и формально они будут правы), перед ним снова возникает таинственный обелиск. И тогда зрители видят пульсирующий человеческий эмбрион, показанный крупным планом, — символ вечного обновления жизни, образ ее неуязвимой юности.

Несколько в ином — в социально-критическом — плане современную тенденцию фантастики выразили братья Стругацкие. Наиболее характерной в этом отношении является их книга «Трудно быть богом», которая, согласно опросу, является самым популярным фантастическим произведением в нашей стране. Было бы естественно усматривать ее замысел в том, чтобы с максимальной достоверностью показать возможную встречу людей с инопланетными разумными существами. Все социологические уродства, которые застают герои повести, предстают перед читателем как условный фон, позволяющий рельефнее выявить конкретные, земные уродства, понять отталкивающую сущность фашистских режимов. Ценность и общественная значимость книги определяется тем, насколько глубоко в заведомо фантастических картинах выражены реальные, вполне земные проблемы.

Ничего особо нового в таком приеме, разумеется, нет. Сатирическая литература давно и успешно пользуется методом гротеска, преувеличения, фантазии. Конечно, никто не счи-

тает Евг. Шварца научным фантастом, но, если бы он в своих пьесах намекнул на некие «технические» открытия, позволившие ему создать свои сюжеты, он немногим отличался бы от научного фантаста по современным стандартам.

Все это позволяет нам сделать один существенный вывод. Термин «научность» в применении к литературе имеет далеко не буквальный смысл. Функцию искусства нельзя свести к познанию мира (хотя оно включает в себя познавательные моменты), художественные произведения неправомерно интерпретировать в чисто гносеологическом плане, в категориях «истинности» или «ложности», применимых в сфере научного познания. У литературы есть свои собственные критерии, позволяющие отделять талантливые произведения от идейно-амбициозной сальтуры.

Что же касается термина «научная фантастика», то он, по-видимому, имеет смысл лишь применительно к одному из течений в фантастической литературе — к тому, которое обозначает своеобразный сплав научного популяризаторства и беллетристической манеры. Наиболее видными его представителями можно считать А. Кларка и А. Азимова (хотя, например, рассказы А. Азимова о роботах выходят за рамки этого направления). Именно в этом, «научном» плане создаются обычно фантастические произведения, авторами которых выступают крупнейшие естествоиспытатели.

Таким образом, научно-фантастическая литература оказывается весьма сложным и разносторонним явлением. Исторически она возникла на стыке научного популяризаторства и художественного повествования, включившего рассказ о судьбе научных открытий. Ее существенным фрагментом стала утопия и антиутопия, социальный критицизм, выраженный в заведомо фантастических сценах. Этот жанр не имеет жестких, фиксированных границ. Да и авторы его весьма различны.

С одной стороны, это специалисты, хорошо знакомые с современной наукой, в беллетристической форме выражающие свои представления о ее будущем развитии. Не всегда эти произведения совершенны в художественном отношении. До сих пор, к сожалению, нет недостатка в научно-фантастических произведениях, которые скорее напоминают задушевный пересказ статей из «Юного техника» или «Техники — молодежи», чем явление литературы. Но само по себе это направление имеет огромную познавательную ценность, оно при-

общает миллионы читателей к достижениям новейшей мысли, раскрывает возможные пути научного прогресса.

С другой стороны, это профессиональные литераторы, которых интересуют сложные взаимоотношения людей, острые проблемы, волнующие современное общество, тенденции его развития и т. д. Но, реализуя свои замыслы, они переносят действия своих героев в будущее, рисуют условное фантастическое общество, создают разного рода утопии и антиутопии. На наш взгляд, этот вид фантастики — его условно можно назвать социальной фантастикой — наиболее значителен как явление литературы. С ним, как правило, и связана популярность фантастических произведений у взрослого читателя, столь возросшая в последнее время. Такое деление, разумеется, условно, имеется немало «смешанных», переходных форм. Существует много произведений, в которых научно-техническая сторона не играет существенной роли, но необходима как фон, условие для разыгрывающихся перипетий. Нередко писателя этот жанр привлекает тем, что дает возможность создавать неожиданные, парадоксальные ситуации, придавать им детективный характер и т. д.

В отдельных странах соотношение различных направлений фантастики, или, говоря точнее, их социальная актуальность и значимость, неодинаково. Но, поскольку речь здесь идет о Шекли, представляющем американскую фантастику, где социально-критическая струя, безусловно, является ведущей, нам важно подчеркнуть одно положение, которое может показаться неожиданным: социальная фантастика — это вовсе не взгляд на будущее с позиций настоящего. Напротив, это оценка настоящего с позиции будущего, с точки зрения тех перспектив и тенденций, которые лишь намечаются в современной жизни. Обращение к будущему — это способ познания настоящего. И именно в этой социальной обусловленности, привязанности к сегодняшнему дню различных сюжетов и раскрывается социальный смысл и пафос научно-фантастической литературы в ее современном виде.

Кстати, на это обстоятельство обращали внимание многие видные представители этого жанра. Предельно категорично говорил Станислав Лем: «Я создаю конструкцию иллюзорной сцены, фантастического эпизода, словом, чего-то такого, что, может быть, никогда и не осуществится... В конце концов, речь

идет о современных проблемах, лишь облеченных в галактические одежды, о проблемах, волнующих человека наших дней»*.

...Данный сборник Роберта Шекли дает достаточно полное представление о творческой манере писателя, о его любимых сюжетах и героях. К сожалению, в книгу не вошел ни один рассказ Шекли из числа уже опубликованных на русском языке, в том числе включенных в сборник «Паломничество на Землю» («Мир», М., 1966). Это досадно, потому что без таких рассказов, как «Паломничество на Землю», «Человеко-минимум», «Рейс молочного фургона», «Кое-что задаром» и др., представление о Шекли-писателе неизбежно останется неполным.

Шекли пишет о космосе, о человеческом обществе, где быт прочно вошли телетранспортировка и дерсин-генераторы, сообразительные роботы и совершенные звездолеты «с гиперпространственными вихревыми конвертерами». Это мир научно-технической грезы, машинной идиллии, довольноного «сосредоточенного потребителя. Для достижения такого уровня развития техники потребуется немало времени. Так что «то мир будущего. Но это очень странное будущее. В нем действуют межпланетные частные фирмы и сыскные бюро, которые ведут между собой отчаянную конкурентную борьбу, космическое пространство бороздят ракеты с торговыми агентами, спекулянтами, налетчиками. Мир, который покоится на беспроигрышном кредите, жажде наживы и рекламной сноровке. Так что в общем это довольно знакомый мир, с вполне современными страстями и человеческими характерами.

Шекли описывает этот вполне обжитой космос, с его нравами, традициями, типичными проблемами и персонажами. Он поражает буйством, неуемностью своей фантазии, неистощимой изобретательностью в сочинении самых забавных и парадоксальных ситуаций, в которых оказываются его герои. Кажется, нет такой темы, которая не была бы «законной» в его творчестве. В предисловии Ю. Казарлицкого приведено интересное высказывание Шекли: «Ни один вид творчества не представляет писателю такой свободы действий, как фантастика. Она может охватить — и охватывает — все на свете,

от безудержной романтики приключений до сатиры и социального анализа»*.

Но, как всякий крупный писатель, Шекли все время остается самим собой, у него есть своя миссия в литературе, свое видение мира, которое проявляется в различных сюжетах и ситуациях. И видение это оказывается поразительно актуальным, современным, в причудливых и невероятных сюжетах воплощаются острейшие проблемы американского общества, высказывается определенное отношение к тенденциям, которые оно обнаруживает. Такая социальная чуткость, умение по своему уловить и выразить то тревожное мироощущение, которое характерно для массового сознания американцев, в соединении с бесспорным писательским даром делают Шекли одним из наиболее значительных современных писателей-фантастов.

Можно достаточно наглядно выявить связь творчества Шекли с теми острыми проблемами, которые волнуют американскую общественность. Это вместе с тем даст нам возможность понять некоторые особенности научно-фантастической литературы в целом.

Мы уже говорили, что эта литература — явление весьма сложное, разнородное, она включает немало элементов, которые вызываются неодинаковыми общественными потребностями. Сейчас речь у нас пойдет лишь о социальной фантастике.

Общественно-исторический процесс ныне совершается в крайне противоречивой форме. В единый поток вовлечены самые разнородные в социально-политическом и культурном отношении страны и уклады. Истребительные войны, политические перевороты, разгул реакционных сил и человеконенавистнических мифов, трагедии целых стран и голод миллионов людей — это реальность нашего столетия, результат действия частнособственнической стихии. Империализм в такой мере развил производительные силы и в такой мере выявилась иррациональность капиталистического строя, что потребность в революционном преобразовании буржуазного общества стала насущной задачей современности.

* См. «Вопросы литературы», 1962, № 3, стр. 172—173.

* Шекли. Паломничество на Землю. «Мир», М., 1966, стр. 6.

Одним словом, люди все более осознают существование особых, внутренних, объективных сил общественного развития капитализма, их разрушительное воздействие на человеческую личность и культуру. Все это окрашивает западное искусство в тревожные, трагические тона, вызывает необходимость осмыслить эти явления в целом, так сказать, со стороны, проследить их будущее и оценить тенденции развития отдельных элементов социального бытия. В этих условиях фантастика, которая выявляет те или иные процессы, едва наметившиеся в современной жизни, изображает их в крайне преувеличенном виде и тем самым дает возможность глубже оценить их социальные последствия, оказывается весьма эффективным способом постановки жгучих, актуальных проблем.

Социальные коллизии, характерные для капитализма, с особой остротой и интенсивностью проявляются в США. Налицо метаморфоза, полная зловещего смысла.

Буржуазным обществом давно осознана потребность рационального, научного регулирования частнособственнической стихии на основе учета и планирования, на основе внедрения наиболее эффективной организации в отдельных звеньях социального организма. Эта потребность вызвала к жизни множество различных прикладных, инженерных, «индустриальных» дисциплин. Но скоро обнаружилось, что обеспечить оптимальное функционирование буржуазных институтов невозможно, если в сферу регулируемых процессов не включена сфера субъективного, «духовного» мира самих людей. Ныне в США существуют разветвленные средства и службы духовного манипулирования, которые внедряют в массовое сознание «одномерные» стереотипы и шаблоны, обеспечивают стандартизированные реакции индивидов, безотносительные к их личным качествам. В масштабах большого бизнеса совершается подавление самостоятельности и творческих проявлений личности. Дело обстоит так, что гуманистические идеалы не могут реализоваться в иерархии социальных институтов, а потому приспособление человека к обществу достигается ценой «усреднения», «стандартизации» людей, превращения их в винтики сложных социальных механизмов, в людей-анонимов, в «жизнерадостных роботов», по выражению Р. Миллса. Эта тема подавления человеческой индивидуальности объективными, материальными элементами социального бытия, вторжения во внутренний мир человека могучей «фабрики грез», внед-

ряющей своеобразные духовные суррогаты, извращающей истинно человеческие чувства и переживания, — одна из центральных в творчестве Шекли. Но Шекли не социолог, не поведенщик и не моралист. Свою социальную позицию он воплощает в художественных образах, в построении сюжета, в авторских интонациях. Особенность Шекли в том, что самые злободневные, «земные» проблемы он ставит в нарочито фантастических картинах, давая полный простор своему писательскому воображению.

В сборнике помещена повесть «Четыре стихии», посвященная старой и остро звучащей теме — проблеме искаленного человека-фрагмента, «однолинейного», плоского индивида, утратившего цельность и человеческую полноту. Но Шекли находит неожиданный подход к ней. Он описывает судьбу жалкого клерка Элистера Кромптона, презирающего свою ограниченность и жаждущего Реинтеграции. И при всей необычности его судьбы и намеренной гротескности изображения в содержании повести отчетливо выступает действительно жгучая и по-человечески емкая социальная проблема.

Во многих своих произведениях Шекли восставал против практики духовного манипулирования людьми, против психологии «счастливого» потребителя с убогим духовным миром и чисто иждивенческими комплексами (см., например, его рассказы «Паломничество на Землю», «Стоимость жизни», «Кое-что задаром» из прежде изданного сборника). К этим проблемам он вновь возвращается в рассказе «Похмелье». В общем нетрудно выразить содержание этого рассказа в терминах социологии и убедиться в том, что писатель ставит здесь одну из наиболее острых проблем современного американского общества — роли потребления в так называемой социализации людей. Однако — и в этом особенность Шекли — содержание его произведений невозможно свести к одной идеологической схеме. У него поразительная способность в ходе изложения вызывать у читателя ассоциации с широким кругом актуальных и тревожных проблем. Описание общества, которое преимущественно состоит из бездельников и в котором политические деятели приобретают голоса, устраивая бесплатные заведения, оказывается блестящей сатирой на выборы в США с их демагогическими лозунгами. Да и само бесплатное агентство «Нелицитированных приключений» в конце концов оказывается ловким предприятием по вербовке новых колонистов в космос.

Сборник открывается рассказом «Страж-птица», посвященным довольно традиционной теме — «машина против человека», в бесконечном числе вариантов разработанной в современной литературе. Автор постоянно возвращается к одной мысли — решение человеческих проблем не может быть доверено «какому-нибудь фунту нержавеющей стали, кристаллов и пластмассы». В рассказе можно увидеть сатиру на всякого рода технократические теории, идеи «революции управляющих», которые теперь будто бы определяют развитие общества. Но здесь же мы находим сатирическое описание самих этих управляющих, их связи с политическим миром, демонстрацию внутренней несогласованности привычных моральных идеалов и т. д.

Но нет смысла комментировать отдельные произведения Шекли. Читатель, несомненно, отметил рассказ «Поднимается ветер», блестящую антиутопию «Билет на планету Транай», полную едкой сатиры на лозунги официального довольства и принудительного счастья. Может быть, стоит сказать несколько слов об «Обмене Разумов», самом большом и, по-видимому, наиболее сложном произведении этого сборника, в котором писатель рисует широкую панораму того мира, который вызван к жизни его фантазией. Вероятно, читатели неодинаково оценят эту повесть. И не случайно. В ней, пожалуй, отчетливее, чем в любом другом произведении, выразилось своеобразие Шекли как писателя, в том числе и те его особенности, которые нам могут показаться странными. В определенном смысле это одно из самых совершенных произведений Шекли — по отточенности сатирических сцен, по неистощимости фантазии и юмора, по способности создавать наглядные, зрительно воспринимаемые образы, поразительна способность автора к стилизации, умение охватывать самые различные темы и переживания. Он постоянно находится в состоянии самовозбуждения, легко и непринужденно переходит от одной сцены к другой, поражает читателя богатством выдумки, красочностью деталей. Повесть словно исполняется в разных регистрах — простой «бытовой» язык сменяется изысканным философствованием, точнее говоря — иначе это не был бы Шекли — пародией на такое философствование. В то же время своеобразная импрессионичность стиля приводит к тому, что повесть как-то распадается на ряд сцен, слабо связанных между собой, а постоянная стилистическая щедрость

кажется вычурной и искусственной, некоторые сцены — нарочито усложненными. По-видимому, возможные недоумения в наибольшей мере могут быть связаны с последней частью повести, где говорится об искаженном мире. Она может быть воспринята как игра ума, система намеренных несообразностей, попытка продемонстрировать непредвиденные ассоциации и соединить несовместимые образы. Как нам кажется, смысл ее глубже.

Тема абсурда, господствующего в мире, как это ни странно, ныне довольно широко распространена среди западных мыслителей. В наиболее отчетливой и современной форме она выражена экзистенциализмом. И подобного рода идеи, прямо противопоставляемые просветительским представлениям о «разумном» характере капиталистических социальных отношений, далеко не беспочвенны. Они в превратной, иллюзорной форме отразили особенности отношений буржуазного общества, которое, по словам Маркса, предстает перед человеком как «заколдованный, на голову поставленный мир». Здесь человек живет как бы в двух средах: с одной стороны, в сфере упорядоченных идеалов и официальных штампов, создающих иллюзию общественной целесообразности «разумного» разделения труда, гармонии между различными социальными силами, решающей роли «священных» принципов и т. д. Это то, что Маркс называл «фикцией без фантазии, религией вульгарного обывателя». С другой стороны, существует сфера стихийных, необузданных сил частнособственнического развития, которые проявляют себя в различных социальных конфликтах, войнах, кризисах. Научный анализ может показать конкретно-исторические причины этого второго мира, найти их в особенностях капиталистических отношений. Но в массовом сознании он приобретает вид некоей самодовлеющей сферы реальности, имеющей свою особую природу, которая проявляется в том, что ломает привычные идеалы и нормы буржуазного разума, не подчиняется обычной житейской логике, грозит человеку и т. д. Это заколдованный, искаженный мир, неизбежный в условиях овеществленных отношений между людьми. Но он одновременно оказывается более реальным, чем сфера псевдоразумных иллюзий. И нам кажется, что именно эту разорванность буржуазного сознания уловил и выразил Шекли в причудливых сценах последней части повести, но выразил по-своему, тонко иронизируя над беспроигрыш-

ной житейской мудростью. В этом, как нам представляется, смысл заключительных слов повести: «...Охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо».

Выше мы говорили о причинах популярности Шекли. Здесь, однако, нужно указать еще на одну характерную черту его произведений — на особенность его героев, на их внутренний мир и переживания.

Люди, их чувства, интересы — это, если можно так сказать, наиболее консервативный, неподатливый элемент фантастики. Отчасти это объясняется спецификой жанра: описывая фантастические ситуации, автор, естественно, показывает их глазами современного человека. Впрочем, у писателя не так уж много возможностей в изобретении «людей будущего»: «более эрудированные», «более решительные» и т. д. Так что писатели обычно и не пытаются конструировать человеческих проекций и переселяют в будущее наших современников, лишь меняя обычные пропорции пороков и добродетелей.

В силу целого ряда причин образ «простого человека», выступающего против машинной цивилизации, приобрел в США особую остроту, стал признанной формой выражения идей социального критицизма и гуманизма. Дело в том, что в США всеобщее распространение получили идеалы и моральные ценности индивидуализма, сформировавшиеся в условиях домонополистического капитализма. Их социально-экономической основой была практика свободного предпринимательства, существование многочисленных мелких хозяйчиков, отстаивавших свою независимость и собственный «успех».

Разумеется, за этим «успехом» скрывался мелкий стяжательский интерес, расчет, за борьбой с природой и освоением новых просторов таилась борьба людей. Однако буржуазный индивидуализм стал той формой, в которой осуществлялось политическое и нравственное развитие нации, в которой проходил процесс становления демократических идей, противостоящих авторитаризму и сословности. Ныне идеалы свободного предпринимательства все более обнаруживают свою несовместимость с реальной социальной обстановкой, требующей псевдоколлективистской идеологии, покорной монополиям. И критика этих порядков, как правило, идет под флагом защиты независимости и свободы «человека с улицы», против массовой культуры и «массового общества». Типичный герой

Шекли — это обычно «средний американец», наделенный цепкой житейской мудростью, сохранивший привязанность к традиционным моральным ценностям, упрямый одиночка, не желающий поддаваться массовым идеологическим и моральным штампам, которые в избытке находит вокруг себя. И именно такой герой оказывается значительным, потому что в его переживаниях и протесте против конформизма выразились страсти нашего века, его тревога за последствия развития науки и техники, за утрату человечности.

Наверное, любой писатель, взявший за основу подобный человеческий тип, показался бы сентиментальным и выпендренным. Но Шекли меньше всего заслуживает такого упрека. Еще одна завидная черта отличает его произведения. Наверное, ее лучше всего обозначить словами «артистизм», «интеллигентность». Рассказы Шекли отмечены безошибочным вкусом, непринужденностью и легкостью изложения, поразительным чувством юмора. Автор любит своих героев и добродушно подтрунивает над ними, да и они сами нередко думают о себе в третьем лице, не упуская случая отметить комичность ситуаций, в которые постоянно попадают по воле автора. Нет смысла, конечно, «приводить примеры», — юмор не нуждается в объяснении. Но трудно удержаться, чтобы не напомнить о рассказе «Запах мысли», где заключительные строки придают всей ситуации неожиданный комизм. Сколько раз негодовали по поводу слежки с целью выявления неблагонадежности «уважаемых» граждан. Но Шекли и к этой теме находит свой особый подход (рассказ «Я и мои шпики»). Стоит отметить великолепный рассказ «Проблема туземцев», где в остро-роготескной форме дана сатира на отношение «цивилизованного» мира к «туземному» населению, а заодно и на глубоко-мысленную псевдонауку о последнем. Во всяком случае, читателю всегда ясно, что простота и незамысловатость его героев — продукт осознанной, утонченной рационалистичности писателя.

Шекли предупреждает, но никогда не запугивает читателя, он четко выражает свои симпатии, но не становится навязчивым морализатором. Его тенденциозность — чисто художественная, внутренняя. Поэтому неунывающий и незаинтересованный, простой, но всегда по-человечески значительный герой Шекли является одним из литературных любимцев современного читателя.

Разумеется, приведенные рассуждения отнюдь не исчерпывают сюжетов и человеческих типов, с которыми читатель сталкивается в рассказах Шекли. Его невозможно втиснуть в какую-то схему, исчерпать его безудержную фантазию, но именно человечность, на наш взгляд, составляет наиболее примечательную черту, в которой проявляется его писательская значительность.

С удивительным мастерством, изяществом, серьезностью ставит Роберт Шекли сложные проблемы современной жизни. Поэтому с интересом прочтет его и школьник, который осваивает хрестоматийные истины, и человек на склоне лет, осмысливающий пройденный путь. Но прочтут они его по-разному. Первого привлекут хитроумные ситуации, блеск фантазии, легкость и непринужденность изложения. Второй ощутит отзвук проблем, которые волновали его всю жизнь, почувствует щедро рассыпанные блестки той философской мудрости, которая приобщает человека к сокровенным тайнам мироздания, помогает понять существо ценностей, которые человек проносит сквозь всю жизнь. Он ощутит чувство ответственности за судьбы мира, за будущее своей планеты.

Есть особое таинство в научно-фантастическом жанре. Он доносит пугающую тишину галактических просторов, зов звездного света, щедрость космических красок и благородную грусть расставания навеки. Он показывает силу и решительность людей, опаленных космическим сиянием, воспитывает гордость и веру в человеческий ум и отвагу.

Л. МИТРОХИН

родился в 1928 году в Нью-Йорке. Окончив школу, Шекли уехал в Калифорнию, где перепробовал множество разных профессий. Он окончил технический колледж, факультативно прослушал курс литературы у Ирвина Шоу. Его первый рассказ вышел в 1952 году. После выхода второго рассказа Шекли целиком перекладывается на литературную работу.

Перу Шекли принадлежат сборники рассказов: «Не тронута рукой человеческой», «Гражданин в космосе», «Побеги космоса», «Паломничество на Землю», «Идеи не ограничены», «Берега бесконечности». Шекли — автор повестей и романов: «Корпорация «Бессмертие», «Путешествие в послезавтра», «Статическая цивилизация», «Десятая жертва».

На русском языке выходили рассказы Шекли «Бунт спасательной шлюпки» (в сборнике «Зарубежная фантастика», «Молодая гвардия», 1965), «Царская воля» («Тоннель под миром», «Мир», 1965), «Травмированный» («Экспедиция на Землю», «Мир», 1965). Издательство «Мир» в 1966 году выпустило авторский сборник Роберта Шекли под названием «Паломничество на Землю».

Содержание

РАССКАЗЫ

Страж-птица. Перевод Н. Галь	7
Абсолютное оружие. Перевод Ю. Виноградова	34
Я и мои шпики. Перевод А. Русина	45
Похмелье. Перевод Е. Коротковой	61
Проблема туземцев. Перевод Е. Коротковой	86
Рыцарь в серой фланели. Перевод В. Скороденко	112
Запах мысли. Перевод Н. Евдокимовой	127
Поднимается ветер. Перевод Э. Кобалевской	141

ПОВЕСТИ

Билет на планету Транай. Перевод А. Вавилова, Ю. Логинова	163
Обмен Разумов. Перевод Н. Евдокимовой	211
Четыре стихии. Перевод Ю. Кривцова	327
О Роберте Шекли (послесловие). Л. Митрохин	381

ШЕКЛИ, Роберт. Рассказы, повести. Перевод с английского. М., «Молодая гвардия», 1968. (Б-ка современной фантастики, т. 16.) 400 с. И (Амер.)

Редактор *Б. Клюева*. Художественный редактор *А. Степанова*. Технический редактор *И. Егорова*. Сдано в набор 7/VIII 1968 г. Подписано к печати 16/XII 1968 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 12,5 (усл. 21). Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 215 000 экз. Цена 1 р. 22 к. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушчевская, 21. Зак. 1528.

1228

MONOGRAPH